

ФОТОАТЕЛЬЕ ОДНОГО ДНЯ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Фотоателье одного дня

«Автор»

2026

Велирский В.

Фотоателье одного дня / В. Велирский — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Мара Лин умеет исправлять фотографии так, чтобы на них не оставалось ничего лишнего. Но после гибели старшего брата Яна на его последнем снимке проступает дверь фотоателье, которого нет на улице. За дверью ателье «Сутки» проявленный кадр не сохраняет прошлое — он отделяет новый вариант сегодняшнего дня. В одном из вариантов Ян жив. Чтобы вывести его оттуда, Мара должна заплатить воспоминанием, чертой характера или связью с близким. Но спасённый брат не желает быть заменой погибшему, а каждый следующий снимок создаёт людей с собственными решениями и правом на будущее. До полуночи владелица ателье намерена закрепить единственную устойчивую версию дня, уничтожив продолжения остальных. Маре и пятерым подросткам, уже отдавшим ателье части себя, предстоит решить, можно ли сохранить близкого, не превратив любовь в право выбрать за него жизнь.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Удалённый пассажир	6
Глава 2. Ателье «Сутки»	11
Семь минут другой жизни	17
Люди с недостающими чертами	23
Негатив без автора	29
Брат, который не просил	36
Комната красного света	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Влад Велирский

Фотоателье одного дня

От автора

Фотография кажется обещанием остановить мгновение. Мы доверяем ей лицо, свет, случайный жест и надеемся, что сохранённое останется с нами хотя бы в таком виде. Но любой кадр одновременно отсекает то, что было за его границами: движение до щелчка, выбор после него, слова, которые человек ещё мог сказать.

«Фотоателье одного дня» — история о желании удержать близкого именно таким, каким мы успели его запомнить. В её мире снимок способен не только сохранить образ, но и дать ему отдельное продолжение. Поэтому главным становится не чудо возвращения, а вопрос о владельце: кто вправе решать, какую версию чужой жизни считать настоящей и какие возможности можно закрыть ради одной спасённой судьбы.

Правила фотоателье раскрываются вместе с героями — через негативы, проявление, закрепление и материальную цену переходов. Здесь нет безошибочного снимка и безопасного выбора. Есть люди, которые учатся отличать заботу от присвоения, память от собственности, найденную семью от роли, однажды назначенной навсегда.

Эту книгу лучше читать как последовательность решений. Каждый новый кадр меняет не только устройство дня, но и ответственность тех, кто нажал на спуск. А то, что осталось за рамкой, не всегда исчезает.

Глава 1. Удалённый пассажир

К одиннадцати утра дождь смыл с площади мел, которым полицейские обводили осколки.

Мара стояла у окна кухни и всё равно видела их на мокром асфальте: белые островки вокруг автобусной остановки, место выбитого стекла, тёмную полосу от колеса. Сам автобус увезли раньше, чем она вернулась из больницы. Остался рекламный щит, повёрнутый ударом к стене, и люди, которые замедляли шаг у ограждения, хотя смотреть было уже не на что.

На столе остывал чай. Рядом лежал прозрачный пакет с вещами Яна: связка ключей, кошелёк, один беспроводной наушник, чек из булочной. Второй наушник врач скорой нашёл под сиденьем, но отдавать не стал — перепутал с чужим или просто не заметил, что футляр рассчитан на пару.

Мара трижды пересчитала предметы. Четыре. Если считать чек — пять. Ни один не объяснял, почему брат сел в автобус, хотя обещал пройти две остановки пешком вместе с ней.

Телефон снова завибрировал. На экране появилось имя тёти Элины, потом исчезло. Вслед за ним пришло сообщение: «Я выезжаю. Ничего не подписывай одна».

Мара перевернула телефон экраном вниз.

Утром они с Яном поссорились у самой остановки. Он сказал, что устал быть её запасным взрослым. Она ответила, что взрослые хотя бы держат слово. Потом Ян увидел подъезжающий автобус, поднял ладонь — то ли прощаясь, то ли прекращая разговор — и шагнул внутрь. Мара успела снять его через стекло, потому что задание для курсов требовало серию «Человек в городе», а злость всегда делала её точнее.

Через сорок секунд грузовой фургон вылетел из переулка.

На кухне щёлкнул холодильник. Мара вздрогнула и посмотрела на ноутбук. Он стоял открытым с тех пор, как она вернулась. На экране застыла программа ретуши, в ней — последний кадр.

Ян сидел у окна, прижав к груди рюкзак. Стекло отражало старый торговый пассаж на противоположной стороне улицы. Лицо брата двоилось: одно — настоящее, сердитое и усталое, другое — бледное отражение, наложенное на арку здания. За ним пассаж вытягивался в глубину, хотя на самом деле за фасадом оставался только короткий коридор с закрытой галереей.

Мара сделала снимок за секунду до того, как автобус тронулся. Она помнила каждую деталь: каплю на объективе, красный шарф женщины у входа, голубя на букве «А» вывески. И помнила, что никакой двери в конце отражённой галереи не было.

На фотографии она была.

Узкая, высокая, с матовым стеклом. Над ней светило слово «СУТКИ», выложенное буквами старой вывески. Свет не отражался больше нигде. Он словно существовал только внутри снимка.

Мара увеличила изображение до четырёхсот процентов. Пиксели распались на квадраты, но дверь не исчезла. Края букв оставались слишком чёткими для случайного блика. Она открыла предыдущий кадр, снятый за две секунды до последнего. Ян ещё стоял в проходе, пропуская женщину с шарфом. В стекле отражались арки, аптечная вывеска, лужа — двери не было.

Следующий кадр оказался смазан: автобус дёрнулся, и Ян повернул голову. На нём дверь уже проступала серым прямоугольником.

— Дефект матрицы, — сказала Мара вслух.

Голос прозвучал чужим. Она удалила фразу из комнаты молчанием и потянулась к планшету.

Так она делала всегда: если изображение лгало, нужно было найти место лжи. Битый пиксель повторился бы на других фотографиях. Блик подчинился бы стеклу. Ошибка сшивки оставила бы шов. У всего имелась причина, если увеличить достаточно сильно.

Она создала копию слоя и начала восстанавливать фон вокруг плеча Яна. Работа была простой, почти механической. Убрать белёсую полосу от лампы в салоне. Вернуть кладку арки из соседнего фрагмента. Приглушить отражение его лица, чтобы оно не спорило с настоящим. Вчера преподаватель сказал бы, что Мара слишком усердно очищает кадр от случайностей. Сегодня случайности казались единственным, что ещё связывало снимок с утром.

Курсор дошёл до края рюкзака.

На экране появилась рука.

Мара отдернула стилус. Рука осталась.

Она отменяла действие, пока история правок не вернулась к исходному файлу. Пальцы исчезли. Повторила восстановление меньшей кистью — и снова из серого отражения выступили костяшки, ногти, рукав Яновой куртки. Не тот, что был виден на сиденье. Другой Ян стоял за дверью в глубине отражённого пассажа и держался за матовое стекло изнутри.

Мара перестала дышать.

В комнате ничего не изменилось. Дождь стучал в подоконник, холодильник гудел, пакет с вещами лежал на столе. Только на фотографии брат одновременно сидел в автобусе и стоял за невозможной дверью.

Она приблизила скрытую фигуру. Лицо ещё закрывал невосстановленный участок. Мара провела кистью по серому пятну, взяв образец с кладки рядом.

Вместо кирпича проявилась щека.

Ещё движение — глаз.

Ян за дверью смотрел прямо на неё. Не в объектив, не на улицу — на Мару по эту сторону экрана. Его рот был приоткрыт, будто он только что произнёс её имя.

Но хуже всего было другое: на руке, прижатой к стеклу, не хватало свежей царапины у большого пальца. Утром Ян задел молнию рюкзака, выругался и показал Маре тонкую красную линию. Она ещё сказала, что он драматизирует.

Значит, фигура за дверью была снята раньше царапины.

Или в утре, где её не случилось.

Мара закрыла ноутбук так резко, что пакет с вещами соскользнул на пол. Ключи ударились о плитку. Среди них блеснул маленький металлический жетон, которого она прежде не заметила.

Он был тонким, как обрезок фотопластины, и холодным сильнее, чем должен был быть металл в тёплой комнате. На одной стороне — выпуклая цифра 24. На другой — та же надпись, что над дверью: «Сутки».

Мара знала пассаж напротив остановки. В детстве там продавали ткани и чинили часы. Потом владелец обанкротился, половину помещений опечатали, а сквозной выход во двор заложили кирпичом. Фотоателье там не было. Она проверяла это не по памяти: зимой для курсов снимала все пустующие витрины на площади.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонили из полиции.

Она ответила не сразу.

— Мара Олеговна? — спросил мужчина. — Это старший лейтенант Крайнов. Нам нужно уточнить показания. Вы были рядом с погибшим перед посадкой?

Слово «погибшим» легло между ней и фотографией, как печать.

— Да.

— Вы снимали автобус?

Мара посмотрела на закрытый ноутбук.

— Один кадр.

— Запись может помочь восстановить положение машин. Не редактируйте оригинал. Сможете прислать файл?

На экране не было никакого живого Яна, напомнила она себе. Только данные матрицы, шум, отражение, несколько неосторожных движений кистью. Полиции нужен был исходник, а не то, что она заставила себя увидеть.

— Смогу вечером.

— Лучше сейчас.

— Я не дома.

Ложь вышла ровной. Мара почувствовала стыд не перед полицейским — перед Яном. Утром она обвинила его в нарушенном обещании, а теперь удерживала последний снимок, будто он принадлежал только ей.

— Тогда, пожалуйста, не затягивайте. И ещё: в автобусе числилось двадцать три пассажира. По свидетельствам водителя и выживших выходит двадцать четыре. На вашем снимке может быть человек, который ушёл до прибытия служб.

Мара сжала жетон.

— Ушёл после аварии?

— Мы пока ничего не утверждаем. Перешлите оригинал.

Разговор закончился. На ладони отпечаталась цифра 24.

Мара снова открыла ноутбук. Фигура за дверью исчезла вместе с отменёнными правками. В исходном кадре Ян сидел у окна один. Она скопировала файл на отдельный накопитель для полиции, проверила контрольную сумму, но письмо не отправила.

Затем вернулась к рабочей копии.

На этот раз она не очищала кадр. Наоборот, восстанавливала то, что программа считала шумом: слабые линии в стекле, неверный свет, серые пятна между арками. Дверь становилась плотнее. За ней проступил коридор с чёрно-белой плиткой. Ян стоял босиком, хотя утром был в кедах, и бил ладонью по стеклу.

Мара включила запись экрана. Если это приступ, ошибка программы или сон без сна, позже останется доказательство.

Она провела кистью по дверной ручке.

Динамики ноутбука зашипели.

Сначала Мара решила, что случайно включила дорожку с видео. Но фотография не содержала звука. Шипение стало ритмичным, похожим на дождь в пустой трубе. Сквозь него прорезался глухой удар.

Ян на снимке ударил в стекло одновременно со звуком.

— Мар, — донеслось из динамиков.

Она впилась пальцами в край стола.

— Ян?

Фигура приблизилась. Теперь она видела царапину — не на руке, а на матовом стекле между ними. Ян приложил палец к двери и медленно написал с обратной стороны: «НЕ ЭТОТ».

Буквы тут же затянуло серым.

— Что не этот? — спросила Мара. — День? Автобус? Ты?

Ян ответил, но шипение проглотило слова. За его спиной по коридору прошла женщина в длинном тёмном платье. Она не посмотрела ни на него, ни на Мару, только подняла к лицу старый фотоаппарат.

Вспышка залила экран белым.

Ноутбук погас.

Мара нажала кнопку включения. Ничего. Подсоединила зарядку — индикатор не загорелся. Из вентиляционной решётки тянуло влажным металлом и чем-то резким, незнакомым ей по цифровой лаборатории.

На выключенном экране отражалась кухня. Мара, окно, стол, пакет с вещами. И дверь за её спиной.

Она обернулась.

Там была только стена с календарём.

В чёрном экране дверь оставалась. Над ней горело «СУТКИ».

Мара подняла жетон. Его отражение в экране светилось янтарным по краям. Цифра 24 сменилась тонкой стрелкой, направленной в сторону площади.

Тётя Элина прислала новое сообщение: «Буду через двадцать минут».

Если Мара уйдёт сейчас, она бросит квартиру открытой для тёти, не отправит полиции снимок и пойдёт за отражением, которое могло возникнуть в неисправном ноутбуке после худшего утра в её жизни. Ян назвал бы это глупостью. Потом пошёл бы рядом, чтобы глупость не осталась без свидетеля.

Она положила полицейский накопитель на пакет с его вещами и написала тёте: «Оригинал здесь. Передай Крайнову. Мне нужно проверить кое-что на площади».

Ответ пришёл мгновенно: «Мара, стой».

Мара уже натягивала куртку.

На лестнице пахло мокрой штукатуркой. Лифт стоял на первом этаже и не двигался, хотя кто-то нажимал кнопку снизу. Она сбегала по ступеням, толкнула дверь подъезда и попала под дождь.

Ограждение у остановки трепетало красно-белой лентой. Полицейская машина исчезла. Двое рабочих грузили обломки рекламного щита, не глядя на пассаж. Над его входом сохранилось выцветшее название дореволюционного магазина, а за стеклом темнели пустые витрины.

Никаких «Суток».

Жетон в ладони потеплел. Стрелка указывала не на центральный вход, а на узкий простенок между закрытой аптекой и лавкой ключника.

Мара перешла улицу. На середине дороги её обдало водой из-под колёс. В отражении лужи пассаж выглядел иначе: целые фонари, свет под арками, люди, идущие в обе стороны. Среди них на мгновение показался Ян с рюкзаком. Он не был ранен. Он шёл быстро, сердито, живо — и не замечал, что сестра зовёт его.

Лужу разрезало колесо такси. Отражение рассыпалось.

У простенка не оказалось ни ручки, ни шва. Только покрашенный кирпич и табличка «Прохода нет». Мара приложила жетон к стене.

За кирпичом щёлкнул замок.

Краска вздулась прямоугольником. По кладке прошла тонкая светлая линия, очерчивая дверь. Матовое стекло проступило из стены, будто изображение медленно выходило на бумаге. Над ним одна за другой зажглись буквы: «СУТКИ».

На стекле висела картонная табличка.

«Последний заказ принимается до полуночи».

Ниже кто-то приписал карандашом: «Возврат человека не является возвратом прежнего дня».

Мара взялась за ручку. Та не поддавалась.

Изнутри подошла женщина, которую Мара видела за спиной Яна. Вблизи она казалась моложе, чем на снимке, но седая прядь пересекала тёмные волосы от лба до затылка. На шее висел экспанометр, у локтя — связка плоских металлических жетонов.

Женщина посмотрела сначала на Мару, затем на цифру в её руке.

— Двадцать четвёртый пассажир, — сказала она через стекло. — Значит, кадр всё-таки выбрал свидетеля.

— Где мой брат?

— В нескольких местах. Это и есть ваша первая трудность.

— Откройте.

Женщина не шевельнулась.

— Если войдёте, до полуночи вам придётся решить, какую дверь считать выходом. После первого проявления улица перестанет быть доказательством.

Мара вспомнила живого Яна в луже и мёртвого — точнее, слово «погибший» — в голосе полицейского. Между ними лежал снимок, который она уже изменила своими руками.

— Я не уйду без него.

— Так говорят все, кто ещё думает, что «он» — единственное число.

Женщина повернула внутренний замок.

Дверь приоткрылась, выпуская красный свет и резкий запах мокрого серебра. Где-то в глубине ателье один за другим щёлкнули пять затворов.

Мара шагнула через порог.

Глава 2. Ателье «Сутки»

За дверью шёл тот же дождь, только вверх.

Капли поднимались с чёрно-белых плиток, цеплялись за подоконники и исчезали в стеклянной крыше пассажа. Красный свет витрин не отражался в воде. Он лежал отдельными прямоугольниками, словно кто-то разложил по полу проявленные снимки.

Мара остановилась на пороге. За спиной ещё шумела площадь, но дверь уже закрывалась, стирая звук по мере движения. Последним исчез скрежет рабочего совка по асфальту.

— Не трогайте стены, — сказала женщина с седой прядью. — Они сегодня ещё не решили, с какой стороны находятся.

— Вы Веста?

Женщина подняла бровь.

— Ян назвал?

— Никто не называл. Ваше имя было на жетоне.

Мара соврала. На жетоне имелась только цифра и название ателье, но ей нужно было увидеть реакцию.

Веста не проверила металл. Она посмотрела Маре в лицо так внимательно, будто сравнивала с негативом.

— Значит, жетон уже начал вам помогать. Или вы начали ему врать. И то и другое неудобно.

Она пошла вперёд. Каблуки стучали по плитке через равные промежутки, но эхо иногда опережало шаг. Мара сунула жетон в карман и последовала за ней.

Пассаж был длиннее здания снаружи. По обе стороны тянулись закрытые лавки: «Шляпы и перчатки», «Письма на машинке», «Ремонт оптики». В витринах стояли вещи, которых не могло быть в работающих магазинах: одинокий рукав пальто, печатная машинка без клавиш, оправы с вырезанными стёклами. У каждой двери висели часы. Все показывали разное время, но секундные стрелки двигались одновременно.

— Где Ян? — спросила Мара.

— Я ответила.

— «В нескольких местах» — не ответ.

— Здесь это точнее адреса.

Веста остановилась у широкой витрины, завешенной изнутри бордовой тканью. На стекле золотом было написано: «ФОТОАТЕЛЬЕ “СУТКИ”. ПОРТРЕТЫ. ДОКУМЕНТЫ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕГАТИВОВ».

Последняя строка выглядела новой.

— Вы сделали тот снимок? — Мара кивнула на старый аппарат за стеклом.

— Его сделали вы.

— Я нажала кнопку телефона.

— Иногда этого достаточно, если день уже подготовлен.

Из ателье донёсся звон разбитого стекла.

Веста распахнула дверь.

За приёмной теснилась целая фотографическая эпоха. На стойке стоял цифровой монитор, рядом — деревянная камера под чёрным мехом, увеличитель и резак. Стены занимали портреты. На каждом была одна и та же комната, но люди менялись местами, возрастом и выражениями лиц. У дальней стены светилась вращающаяся дверь в тёмную лабораторию.

Посреди приёмной пятеро подростков окружили перевёрнутую ванночку. По полу ползала прозрачная жидкость. Худой светловолосый парень держал за запястье девочку с короткими чёрными волосами. Она сжимала осколок фотопластины.

— Отдай, Ада, — сказал он.

— Не отдам.

— Она пустая.

— Неправда.

— Ты не умеешь говорить неправду.

— Поэтому и знаю.

Увидев Весту, остальные отступили. Ада не двинулась. На вид ей было лет пятнадцать; на белой рубашке расплзлось мокрое пятно.

— Кто открыл промывку? — спросила Веста.

Никто не ответил.

— Лем? Ты дежурил.

Высокий парень у окна провёл ладонью по выбритому виску. У него на шее висела моментальная камера, заклеенная синей изолентой.

— Я закрыл кран. Помню движение. Не помню, зачем отошёл.

— Потому что за витриной кто-то был, — сказала девочка в огромном свитере. Она стояла отдельно и говорила, глядя на собственное отражение в металлическом шкафу. — Он назвал меня по имени.

— Ты узнала голос? — спросила Веста.

Девочка коснулась горла.

— Я не узнаю голоса.

— Это Ника, — пояснил худой парень Маре, будто встреча происходила в школьном коридоре, а не вокруг разбитой пластины. — Я Сава. Там Лем. С осколком Ада. А под стойкой Тиш.

Из-под стойки высунулась рука и поставила на стол целую ванночку.

— Я не под стойкой, — сказал невидимый Тиш. — Я в месте, где пока не течёт.

Мара посмотрела на Весту.

— Это ваша найденная семья?

— Это люди, которые живут здесь, — отрезала Ада. — Семьёй нас называет Веста, когда хочет, чтобы мы согласились вместе.

Сава сильнее сжал её запястье.

— Пластину.

— Отпусти её, — сказала Мара.

Он повернулся. В его лице не было ни злости, ни тревоги — только расчёт.

— Она порежется.

— Ты уже выворачиваешь ей руку.

Сава посмотрел на свои пальцы, словно впервые оценил силу, и разжал их. Ада сразу передала осколок Весте.

— Здесь человек, — сказала она. — На пустом месте.

Веста поднесла пластину к лампе. Стекло казалось прозрачным, лишь по углу тянулась молочная полоса.

— Это засветка.

— Нет.

Ада произнесла всего одно слово, но комната изменилась. Сава перестал вытирать пол. Лем поднял камеру. Ника отвернулась от шкафа. Тиш выбрался из-под стойки — невысокий, смуглый, в пальто на два размера больше.

Веста положила осколок эмульсией вниз.

— Тогда проявим при свидетеле.

— При мне? — спросила Мара.

— Ради вас он и треснул.

Веста провела их в лабораторию. Красная лампа висела низко, заставляя всех пригибать головы. На длинном столе стояли три ванночки, над каждой — механический таймер. Запах здесь был сильнее, но Мара не узнавала привычной фотохимии: к кислому металлу примешивались мокрая шерсть, яблочная кожура и морозный воздух.

— Не прикасайтесь к растворам, — сказала Веста. — Их состав меняется вместе с тем, что человек оставляет при переходе.

Она закрепила осколок в рамке и погрузила в первую ванночку. Таймер застрекотал.

— Что значит «оставляет»? — спросила Мара.

— Сейчас речь не о переходе.

— Для вас, может быть. Я пришла за братом.

— Вы пришли потому, что ваш снимок отделил вариант утра. Брат — причина кадра, но не его собственность.

Мара шагнула ближе.

— Говорите нормально.

Веста подняла рамку. На стекле проступили серые пятна.

— Снимок не возвращает прошлое. Он отделяет возможность текущего дня от мгновения экспозиции. Пока не наступила полночь, возможность можно проявить, сделать материальной и войти в неё через негатив. После полуночи она либо получает продолжение, либо распадается.

— Ян жив в одной из таких возможностей.

— Уже не в одной.

— Откуда взялись остальные?

— Вы восстанавливали фон. Каждое уверенное исправление объясняло снимку, что именно вы считаете ошибкой. Он отвечал вариантом, где этой ошибки нет.

Мара вспомнила движения кисти: убрать полосу, вернуть кладку, приглушить отражение лица. Безобидные команды. Вернуть. Заменить. Очистить.

— Я сделала копии Яна?

Ада качнула головой.

— Нет. Копия повторяет оригинал. Они уже не повторяют.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Веста боится их больше, чем тебя.

Веста резко опустила пластину во вторую ванночку. Жидкость почернела.

На осколке возникла автобусная остановка. Мара увидела себя под навесом: мокрые волосы, поднятый телефон, злость в сведённых бровях. В кадре не было автобуса.

Напротив неё стоял Ян.

Он не сел. Держал рюкзак за одну лямку и что-то говорил. Изображение оставалось неподвижным, но Мара знала слова. «Устал быть твоим запасным взрослым».

— Это не мой снимок, — прошептала она.

— Ваш, — сказала Веста. — Только не тот, который сохранился в телефоне.

В правом углу пластины появилась ещё одна фигура. Ян сидел на бордюре, прижимая ладонь к окровавленному виску. За ним автобус стоял целым, а грузовой фургон врезался в аптеку.

Два положения брата занимали один кадр и не перекрывали друг друга.

— Пластина треснула между вариантами, — сказал Лем. — Так бывает, когда адресов больше, чем выдерживает эмульсия.

— Откуда она взялась? — Мара повернулась к Весте. — Мой телефон не печатает стекло.

— Негатив вырос в кассете после экспозиции. У этого ателье свои представления о носителе.

— Очень удобный ответ.

— Правила не обязаны быть удобными, чтобы причинять последствия.

Таймер звякнул. Веста перенесла пластину в третью ванночку.

Все пятеро одновременно подались вперёд.

— Не надо закреплять, — сказал Тиш.

Веста замерла.

— Это промывка.

— Ты переставила ванночки, — сказала Ада.

Сава перевёл взгляд на этикетки. На средней значилось «ПРОЯВИТЕЛЬ», на крайней — «ВОДА». Он понюхал край третьей ванночки и спокойно произнёс:

— Ада права.

Лем схватил Весту за локоть. Ника выдернула рамку из её руки. Капли упали на стол и зашипели, оставляя круглые белые следы.

Веста не сопротивлялась. Только лицо её стало неподвижным.

— Я хотела остановить расслоение, — сказала она.

— Вы хотели выбрать одного? — спросила Мара.

— Закрепитель не выбирает человека. Он выбирает продолжение. Это не одно и то же.

— Для тех, кого он сотрёт, разница огромная.

Веста посмотрела на неё почти с жалостью.

— Вы пробыли здесь десять минут и уже говорите о стирании. Через десять часов вы сами принесёте мне негатив и попросите оставить тот вариант, где брат вас простил.

— Он мёртв. Ему не за что меня прощать.

— Тогда зачем вы восстановили его лицо?

Мара не ответила.

Ника держала рамку над пустой ванночкой. В красном свете её пальцы казались чёрными.

— Пластина продолжает темнеть, — сказала она.

По изображению ползла тень. Два Яна исчезали от краёв к центру. Сначала пропал рюкзак, потом рука на виске. Оставались лица.

— Она сохнет, — сказал Лем. — Без промывки адрес закроется.

— В воду, — приказала Веста.

Тиш заслонил крайнюю ванночку.

— Скажи, что это вода.

— Это вода.

Все посмотрели на Аду.

Она медленно кивнула.

Ника погрузила осколок. Изображение перестало исчезать, но трещина расширилась до края. Пластина разделилась на две части. В одной Ян остался у остановки. В другой сидел у разбитой аптеки.

На стене лаборатории появились две двери.

Они были одинаковыми, только за матовым стеклом первой шёл дождь вниз, а за стеклом второй — вверх. На ручках висели бирки с временем: 08:12 и 08:13.

Мара шагнула к первой.

Сава перегородил путь.

— Не открывай без цены.

— Какой ещё цены?

— Дверь возьмёт то, без чего ты всё равно сможешь дойти обратно. А потом окажется, что вернулась не ты.

Он говорил без угрозы. Именно поэтому Мара поверила.

— Что она взяла у тебя?

Сава пожал плечами.

— Страх.

— Ты не боишься?

— Я понимаю опасность. Могу вычислить. Но тело не останавливает меня само.

Мара вспомнила, как он выворачивал Аде руку, не замечая границы между помощью и вредом.

— У Ники — голос? — спросила она.

— Узнавание своего голоса, — поправила Ника. — Я слышу слова. Не знаю, мои ли они, когда не вижу, как говорю.

Лем отвернулся раньше, чем Мара спросила о нём. Тиш спрятал руки в рукава. Ада сказала:

— Я оставила возможность лгать. Веста называет это преимуществом, когда ей нужна проверка.

— А когда не нужна? — спросила Мара.

— Тогда семьёй.

Веста погасила один из таймеров.

— Они живы благодаря тому, что оставили. Не превращайте цену в мою прихоть.

— Они могут уйти?

— Через какую дверь? — тихо спросил Тиш.

В приёмной что-то тяжело упало. Следом раздался гул, словно по стеклянной крыше прокатили огромную монету. Красный свет мигнул.

Веста сняла со стены часы. До полудня оставалось сорок две минуты, но минутная стрелка шла назад.

— Ваш кадр уже тянет материал, — сказала она Маре. — Если открыть один адрес сейчас, второй начнёт защищаться. Нам нужно найти исходный негатив целиком.

— Вы сказали, он треснул.

— Треснула проба. Исходник находится там, где камера сочла экспозицию законченной.

— В автобусе?

— Или в момент удара. Или у вас в телефоне. День не обязан разделять ваши представления о начале и конце кадра.

Мара вынула жетон. Цифра 24 снова появилась, но теперь рядом проступила буква «Я».

— Это адрес?

Лем подошёл ближе и сфотографировал жетон своей заклеенной камерой. Аппарат выплюнул белую карточку. На ней медленно возник салон автобуса. Двадцать три пассажира сидели на местах. Двадцать четвёртый стоял у задней двери спиной к объективу.

На нём была куртка Мары.

Она посмотрела на собственные мокрые рукава.

— Меня там не было.

— В вашем сохранённом утре, — сказал Лем.

— Это не ответ.

— Здесь это точнее ответа, — повторила Ника интонацию Весты и поморщилась, будто слышала из своего рта чужого человека.

Мара выхватила карточку. Фигура на ней повернула голову. Лица не было — белое пятно, перечёркнутое тонкой линией двери.

Под изображением проступили цифры: 23:17.

— Это случится вечером? — спросила Мара.

— Если день дойдёт до этого варианта, — ответила Веста. — Снимок показывает не будущее, а продолжение, которое уже потребовало место.

— Моё место?

— Место пассажира. Кто им станет, ещё не закреплено.

Веста забрала обе половины пластины, завернула их в чёрную ткань и сунула в разные карманы фартука.

— До тех пор никто не открывает двери. Сава, проверь кассеты. Лем, найди, где проявился исходный негатив. Ника и Тиш — закройте витрины от отражений. Ада останется с Марой.

— Я не останусь, — сказала Мара.

— Тогда уходите.

Веста указала на дверь, через которую они вошли. За её стеклом теперь была не площадь, а кухня Мары. Тётя Элина стояла у стола, читала сообщение и держала полицейский накопитель. До неё можно было дотянуться рукой — если стекло действительно открывалось туда.

Мара увидела пакет с вещами Яна. В нём не было жетона. На экране телефона тёти высветился входящий вызов Крайнова.

Вернуться означало отдать снимок, повторить показания, позволить взрослым назвать всё пережитое шоком. Войти в одну из дверей означало заплатить тем, что она пока даже не могла назвать.

— Покажите мне живого Яна, — сказала Мара. — Не снимок. Не отражение. Не объяснение.

— Для этого нужен негатив, — ответила Веста.

— Тогда я найду его раньше вас.

Ада улыбнулась впервые.

— Это правда, — сказала она.

Веста сняла с шеи экспонометр и положила на стол между ними.

— В таком случае запомните первое правило «Суток». До полуночи любой проявленный кадр способен отделить вариант этого дня. Но отделить — не значит спасти. Чем больше вы доказываете снимку, как всё должно было быть, тем больше людей он вынужден сделать неправыми.

За двумя дверями одновременно постучали.

Из-за первой Ян позвал Мару сердито, как утром.

Из-за второй — испуганно, как никогда прежде.

Мара не узнала, какой голос принадлежал её брату.

Семь минут другой жизни

Веста унесла обе половины пластины, но двери оставила на стене.

За первой Ян больше не стучал. Дождь на матовом стекле стекал вниз тонкими нитями, и от этого молчание казалось хуже любого крика. За второй капли поднимались к верхней раме. Там кто-то ходил из угла в угол, прихрамывая.

— Она вернётся через четыре минуты, — сказала Ада.

Мара оторвалась от первой двери.

— Откуда знаешь?

— Веста всегда четыре минуты запирает пластины. По минуте на каждый замок и ещё одну стоит перед шкафом.

— Зачем?

— Решает, какую вещь назвать необходимой.

Остальные разошлись выполнять приказ. Из приёмной доносился скрип: Тиш и Ника завешивали витрины чёрной тканью. Лем щёлкал за стеной кассетами. Сава прошёл мимо лаборатории с деревянным ящиком и даже не посмотрел на двери.

Ада достала из-под мокрой рубашки узкую стеклянную полоску.

На ней едва помещались автобусная остановка и две тёмные фигуры.

— Ты украла негатив.

— Да.

— У Весты?

— У Лема. Веста бы заметила.

Ада произносила признания без вызова, словно перечисляла предметы на столе. В красном свете её лицо было слишком спокойным для человека, который только что предложил нарушить единственное понятное правило.

— Это адрес той двери? — спросила Мара.

— Первой. Где Ян опоздал.

За стеклом снова послышался голос брата:

— Мар, если это ты, открой. У меня телефон не работает.

Он говорил раздражённо. Живо. Так Ян говорил, когда трижды звонил ей в дверь, а она сидела в наушниках и делала вид, что не слышит.

Мара протянула руку к полоске. Ада отвела её.

— Если возьмёшь неправильно, войдут пальцы, а ты останешься здесь.

— Очень полезное уточнение.

— Я не успела раньше.

Ада перевернула негатив эмульсией к двери. На матовом стекле выступила чёрная прямоугольная рамка, точно тень от окна. Ручка стала холодной и влажной.

— Семь минут, — сказала Ада. — Потом адрес начнёт считать тебя частью ветви. Чтобы выйти, придётся оставить цену.

— Какую?

— Дверь выберет из того, что связывает тебя с различием между днями.

— Это ничего не значит.

— Значит. Просто узнаешь слишком поздно.

В коридоре звякнул ключ.

Ада приложила негатив к стеклу. Изображение остановки совпало с тем, что проступало за дверью. Мара нажала на ручку.

— Ты идёшь со мной.

— Я не могу. Эта дверь уже знает мою цену.

— Тогда зачем помогаешь?

Ада посмотрела туда, где за стеклом стоял Ян.

— Хочу увидеть, что ты сделаешь, когда правда будет неудобной.

Мара шагнула через рамку.

Дождь ударил её по лицу.

Она оказалась под навесом остановки, хотя секунду назад стояла в лаборатории. За спиной не было двери — только рекламный короб с выцветшей фотографией моря. У бордюра блестяла вода. На электронном табло мигало 08:12, но секунды справа бежали слишком быстро: 14, 15, 16.

Ян стоял в двух шагах. Жёлтый рюкзак висел на одном плече. На виске не было крови. На щеке — тонкая царапина, которую Мара утром заметила ещё дома.

Он посмотрел на неё без удивления.

— Наконец-то. Ты зачем ушла?

Мара обхватила его обеими руками.

Рюкзак вдавился ей в грудь, пряжка больно упёрлась под ребро. Ян пах дождём, дешёвым кофе и мятной пастой. Настоящий человек не обязан пахнуть символично. Он был тёплым и попытался высвободить локоть.

— Мар, задушишь.

Она прижалась сильнее.

— Эй. Что случилось?

Он уже не сердился. Ладонь легла ей между лопаток — неловко, два коротких движения, как всегда, когда Ян не знал, сколько утешения ему разрешено.

Мара закрыла глаза. Семь минут могли закончиться. Могла исчезнуть остановка, ателье, Веста. Она согласилась бы остаться под этим навесом, если бы Ян продолжал дышать ей в волосы.

— Ты живой, — сказала она.

— Смелое наблюдение.

Она отступила и схватила его за запястье. Пульс был быстрым.

— Автобус. Ты не сел.

— Благодаря тебе.

— Мне?

— Ты выскочила на остановке и устроила сцену. Я пропустил двадцать седьмой, потому что ты решила закончить нашу ссору при всех.

Мара посмотрела на дорогу. За перекрёстком мигали синие огни. Люди под навесом обсуждали аварию, но их лица расплывались, если смотреть дольше секунды. Только Ян оставался резким.

— Что я сказала?

— Ты серьёзно?

— Повтори.

Ян дёрнул руку, но она не отпустила.

— Что я использую тебя, когда мне удобно. Что превращаюсь в маму. Что ты больше не будешь моим запасным взрослым.

Слова были знакомыми и стояли не в том порядке.

Последняя ссора случилась утром на кухне. Ян нашёл в корзине восстановленный семейный снимок, с которого Мара убрала пустой стул матери. Он сказал, что она стирает не боль, а свидетелей. Мара ответила, что кому-то приходится делать фотографии пригодными для жизни. Потом — хлопок входной двери, его сообщение из автобуса, фотография в стекле.

Но здесь воспоминание сопротивлялось. Между кухней и снимком вклинивалась остановка: Ян под дождём, собственный голос Мары, прохожие, повернувшие головы.

— Я не выходила за тобой.

— Хорошо, — сказал Ян. — Тогда кто передо мной?

Над рекламным коробом вспыхнули красные цифры: 05:46.

Мара потянула брата к пассажиру.

— Пойдём.

— Куда?

— В ателье. Там объяснят.

— Ты сама только что потребовала повторить то, что говорила пять минут назад.

— Это было не пять минут назад.

— Для меня было.

Он упёрся ногами. Мара рванула сильнее, и лямка рюкзака соскользнула с его плеча.

— Ян, автобус разбился. В моём дне ты сел в него. Тебя привезли в морг. Мне отдали твои вещи.

Он посмотрел на неё так, будто она ударила его неудачной шуткой.

— Перестань.

— У тебя в кармане был жетон с номером двадцать четыре. На последнем снимке отражалась дверь, которой нет. Я её нашла. Я вошла и увидела два дня. В одном ты жив.

— В одном?

Мара поняла ошибку раньше, чем его лицо изменилось.

— Есть ещё вариант. Там автобус не врезался в фургон, но ты ранен.

— И ты пришла сюда за кем?

— За тобой.

— За которым?

Табло отсчитало ещё десять секунд.

Мара сжала его запястье.

— Ты опоздал. Ты цел. Это лучший вариант.

Ян посмотрел на её пальцы.

— Лучший для кого?

— Не начинай.

— Это ведь ты начала. Выбрала меня целого, потому что другого неудобно спасать?

— Другой сидит возле разбитой аптеки и истекает кровью.

— Тогда почему ты не там?

Дождь загремел по навесу. На перекрёстке сирена оборвалась, не закончив звук, и началась снова с той же ноты.

Мара отпустила брата.

— Я не могу вытащить двоих.

— Откуда знаешь?

— Мне сказали.

— Кто?

— Веста. Владелица ателье.

— И ты ей веришь?

— Нет.

— Но уже повторяешь её правило.

На табло осталось 03:58.

Ян поднял рюкзак и вытащил телефон. Экран показывал фотографию: Мара стояла под навесом, раскрыв рот в крике. Ян был виден лишь отражением в стекле автобуса, который закрывал двери.

— Я снял, потому что ты выглядела так, будто хочешь доказать дождю, что он неправильно падает, — сказал он. — Потом ты ушла в пассаж. Я пошёл следом. Там не было никакого ателье. Только закрытая аптека.

— Покажи время.

08:13.

На снимке, за плечом Мары, белела вывеска «СУТКИ». Одна буква была перечёркнута трещиной.

— Отправь мне.

— Зачем?

— Это ещё один адрес.

— Я не адрес.

— Я говорю о снимке.

— А я о себе.

Он убрал телефон. Мара шагнула ближе.

— Если останешься здесь, после полуночи этот день может распасться.

— Может?

— Или его сотрут раньше.

— Кто?

— Веста.

— Тогда останови её. Не тащи меня в место, где она выбирает, кто настоящий.

— Я пытаюсь тебя спасти.

— Ты пытаешься вернуть брата, который согласится, что ты права.

Те же слова Ян сказал на кухне — или не те. Мара искала в памяти точную интонацию и находила только хлопок двери. До этого стояли фрагменты: белый стул, курсор над инструментом удаления, рука Яна на краю стола. После — уведомление. Сама ссора вдруг стала похожа на фотографию с вырезанной серединой.

— Ты сказал, что я стираю свидетелей, — произнесла она.

— Нет. Я сказал: ты стираешь всё, что не можешь исправить.

— На кухне.

— Здесь, минуточку назад.

Красные цифры сменились на 01:12.

По рекламному коробу прошла трещина. В ней вспыхнул красный свет лаборатории. Ада стояла по ту сторону и держала негатив обеими руками.

— Мара! — крикнула она. — Дверь закрывается.

Мара схватила Яна за рукав.

— Со мной. Сейчас.

Он не двинулся.

— Сначала ответь. Если там есть другой я — ты спасёшь и его?

— У нас нет времени.

— Поэтому и ответь.

— Я не знаю!

Ян кивнул, будто слышал единственную допустимую правду.

— Тогда не выбирай пока.

Он вывернул руку, оставив в пальцах Мары мокрый рукав, и отступил от трещины.

На табло было 00:29.

— Я вернусь, — сказала Мара.

— Вернёшься другой.

— Это всё ещё буду я.

— Ты именно это решила за меня.

Дождь между ними застыл. Каждая капля повисла серебряной иглой. За спиной Яна остановка начала темнеть с краёв.

Мара шагнула в трещину.

Красный свет ударил в глаза. Она упала на колени в лаборатории, проехала ладонями по мокрому полу и услышала, как за спиной захлопнулась дверь.

Ада выдернула негатив. По стеклу побежал белый узор, оставляя в середине тёмный силуэт Яна.

— Семь минут, — сказала она. — Ты успела.

Мара поднялась и сразу потянулась к ручке.

Двери не было. На стене висел только экспонометр Весты. Его стрелка дрожала между делениями.

— Открой снова.

— Нельзя тем же адресом дважды подряд. Он примет тебя за оставшуюся часть.

— Там Ян.

— Я видела.

— Он не пошёл.

— Я видела и это.

Мара попыталась вспомнить лицо брата, когда рассказала ему об аварии. Вспомнила складку между бровей, каплю на реснице, рюкзак у ног. Потом попробовала восстановить кухню.

Белый стул. Корзина. Семейный снимок.

— Что было утром? — спросила она.

Ада прижала негатив к рубашке.

— Я не была с вами утром.

— Я знаю. Скажи, что я рассказывала. В ателье. Последняя ссора с Яном — из-за чего?

— Ты сказала: он умер. Ему не за что тебя прощать.

— До этого.

— Ничего.

Мара закрыла глаза. Она знала, что поссорилась с братом. Знала, что нашла снимок, знала про удалённый стул. Но между этими фактами больше не было ни его слов, ни её ответа. Даже вина осталась без события — тяжесть в груди с оборванной подписью.

— Дверь взяла воспоминание, — сказала Ада.

— Верни.

— Я не дверь.

— Ты знала, что она возьмёт.

— Я знала, что возьмёт различие. Не знала какое.

Мара схватила её за плечи. Ада не попыталась освободиться.

— Ты хотела увидеть, что я сделаю, когда правда неудобная? Вот правда: ты отправила меня туда, не сказав цену.

— Я сказала.

— Ты спрятала смысл за правилом.

— Да.

Честное признание не облегчило злость. Мара оттолкнула её.

В коридоре повернулся ключ.

Ада сунула негатив Маре в карман.

— Веста не должна его найти.

— Почему я должна тебе верить?

— Не должна.

Дверь лаборатории открылась. Веста вошла с двумя чёрными конвертами и сразу посмотрела на мокрые следы Мары.

— Куда вы ходили?

Ада молчала. Солгать она не могла; правда уже стояла в комнате вместе с дождевой водой. Мара нащупала в кармане край негатива.

— К Яну.

Веста закрыла дверь за собой.

— К которому?

— К тому, кто опоздал на автобус.

— Вы привели его?

— Он отказался.

На лице Весты мелькнуло не удивление, а удовлетворение человека, чей расчёт подтвердился.

— Живой человек оказался не вашей исправленной фотографией?

— Он останется жив, если ветвь не уничтожат.

— До полуночи — возможно. После — если получит продолжение.

— Вы не будете выбирать за него.

Веста положила конверты на стол.

— Вы уже выбрали. Вошли к целому, а не к раненому.

Мара хотела ответить, что первая дверь была ближе, что Ада украла именно этот негатив, что семь минут не позволяли помочь обоим. Все объяснения звучали как разные способы не произнести главное.

— Тогда я пойду ко второму.

— Чем заплатите?

Мара попыталась вызвать из пустоты голос брата на кухне. Ничего. Только белый стул на снимке — слишком ровное пятно после ретуши.

Веста заметила её заминку.

— Что дверь взяла?

— Не ваше дело.

— В этом доме всякая оставленная часть становится делом дома.

Она протянула руку к карману Мары.

Мара отступила.

Из приёмной донёсся звон разбитого стекла. Потом голос Ники, испуганный и двойной:

— Веста! В витрине кто-то проявляется.

Веста замерла. Ада посмотрела на неё и тихо сказала:

— Ты знаешь кто.

Это не было вопросом.

Веста схватила конверты и вышла. На пороге обернулась:

— Один переход всегда кажется доказательством свободы. Второй показывает, что вы уже принадлежите маршруту. Не открывайте другую дверь.

Когда шаги стихли, Мара достала негатив. На нём Ян стоял под навесом спиной к ней. Рядом проступал новый силуэт — девушка с короткими волосами и жёлтым рюкзаком на плече.

Мара узнала свою куртку.

Под изображением медленно возникло время: 23:17.

— Я оставила там только воспоминание, — сказала она.

Ада покачала головой.

— Дверь взяла воспоминание. Оставила ты обещание вернуться.

Люди с недостающими чертами

Витрина дышала.

Чёрная ткань то прилипала к стеклу, то надувалась, хотя все окна в приёмной были закрыты. За ней двигалась человеческая фигура. По ту сторону витрины не могло быть места для человека: снаружи начиналась глухая стена соседней аптеки.

Ника стояла посреди комнаты, зажав ладонями уши.

— Она зовёт Весту моим голосом.

Из-под ткани действительно донеслось:

— Мама.

Голос был низким, взрослым и совсем не похожим на Нику. Но Ника побледнела.

Веста подошла к витрине и не коснулась ткани.

— Лота?

— Не снимай, — сказал Тиш.

Он уже тащил к стеклу тяжёлую стойку с фоном. Ножки зацепились за ковёр. Сава перехватил стойку одной рукой, поднял и поставил поперёк витрины.

— Если отражение проявилось без экспозиции, заслон не поможет, — сказал он.

— Поможет выиграть время.

— Для чего?

Тиш не ответил. Он прижал ладонь к стене, будто проверял, существует ли она.

Мара задержалась у двери лаборатории. Негатив в кармане холодил бедро. На нём остался адрес Яна и фигура будущей Мары. Отдать его Весте означало потерять единственную дорогу обратно. Спрятать — поверить Аде, которая уже однажды объяснила цену так, чтобы Мара согласилась до понимания.

— Уведите её, — сказала Веста, не оборачиваясь.

Сава направился к Маре.

— Не трогай меня.

— Витрина может развернуться внутрь.

— И что будет?

— Стекло займёт объём комнаты.

Он взял Мару за локоть. Пальцы легли точно, без злости, но слишком сильно.

— Отпусти.

— Через двадцать секунд здесь будет опасно.

— Мне больно.

Сава посмотрел на свою руку и разжал её.

— Это не повышало риск для тебя.

— Повышало для тебя, — сказала Ада.

Она встала между ними. Сава перевёл на неё спокойный взгляд.

— Объясни.

— Однажды кто-нибудь ударит тебя раньше, чем успеет объяснить границу.

— Тогда я учту удар.

Ткань на витрине натянулась. Изнутри проступили пальцы — длиннее человеческих из-за преломления. Они нашли край полотна.

Веста ударила ладонью по выключателю. Лампы погасли. Комнату залил красный свет из лаборатории.

— Ника, скажи ей уйти.

— Кому?

— Той, кто говорит твоим голосом.

Ника опустила руки.

— Это не мой голос.

Из-за ткани раздалось тем же тоном:

— Это не мой голос.

Ника попятилась.

— Перестань.

— Перестань.

— Я не знаю, которая из нас говорит первой.

— Смотри на меня, — приказала Веста. — Видишь мои губы? Слушай слова только тогда, когда видишь лицо.

Ника повернулась к ней, но из тёмного стекла снова позвали:

— Мама.

Веста шагнула к витрине.

Тиш обнял стойку обеими руками.

— Это не она.

— Ты не можешь знать.

— Могу. Лота никогда не просила тебя открыть. Она просила оставить закрытым.

Комната замолчала. Даже ткань перестала двигаться.

Веста посмотрела на Тиша.

— Откуда тебе известно, чего просила моя дочь?

— Я был здесь.

— Ты пришёл позже.

— Ты так сказала.

Веста рванула ткань.

За стеклом стояла не женщина, а Ника. Её отражение было старше лет на десять и одето в серое пальто. Оно повторяло позу девушки с опозданием, но рот двигался сам.

— Мама, — сказала отражение.

Веста отшатнулась. В ту же секунду Сава бросился к витрине и ударил в неё деревянной стойкой.

— Нет! — крикнул Лем.

Стекло не разбилось. Стойка ушла внутрь, как в воду. Сава не выпустил её, и руку затянуло до плеча.

Ада схватила его за пояс. Мара — Аду. Тиш упёрся обеими ногами в край ковра. Витрина тянула без рывков, равнодушно и непрерывно.

— Отпусти стойку! — закричала Мара.

— Тогда она втянется целиком.

— И что?

— Потеряем заслон.

Сава сказал это, будто обсуждал сломанный зонт. Стекло уже коснулось его шеи.

Мара увидела в отражении комнату, которой не было: белые стены, пустые рамы, пять стульев. На одном сидел Сава. Там он был младше и плакал, глядя на закрытую дверь.

— Ты умрёшь! — сказала она.

— Вероятность неизвестна.

— Тебе не страшно?

— Нет.

Он не хвастался. Его тело не дрожало, дыхание оставалось ровным. Отсутствие страха было не смелостью, а выключенной сигнализацией.

Мара отпустила Аду, схватила с прилавка резак для бумаги и перерезала ремень на плече Савы. Камера и связка металлических кассет упали на пол. Витрина дёрнулась к звону. На одно мгновение тяга ослабла.

— Сейчас! — крикнула Ада.

Они выдернули Саву. Стойка исчезла за стеклом. Отражение Ники раскрыло рот, и внутри него оказалась красная дверь.

Тиш набросил ткань обратно.

Сава ощупал плечо. Кожа покраснела, на рубашке выступила кровь.

— Резак был лишним, — сказал он Маре.

— Ты застрял в стекле.

— Я контролировал захват.

— Ты не контролируешь момент, когда надо отступить.

— Контролирую расчётом.

— Поэтому чуть не отдал себя за деревянную палку?

— За заслон.

— За палку, — повторила Ада. — Это правда.

Сава отвернулся и начал собирать кассеты. Пальцы у него дрожали от нагрузки, но он смотрел на них с досадой механика, обнаружившего люфт.

Ника стояла перед закрытой витриной.

— Она больше не говорит.

Из-под ткани тут же донеслось:

— Она больше не говорит.

Ника зажмурилась.

Лем поднял камеру Савы и направил на стекло.

— Не снимай, — сказала Веста.

Щёлкнула вспышка.

Аппарат выплюнул карточку. Сначала она оставалась белой, потом проступили шесть фигур. Мара узнала себя, Весту, Аду, Саву и Тиша. Шестая стояла у витрины вместо Ники.

Лем поднёс карточку к красной лампе.

— Кто это?

— Ника, — сказала Мара.

— Нет. Нику я знаю.

— Она прямо перед тобой.

Лем посмотрел на девушку, потом снова на карточку.

— Передо мной Ника. На снимке человек, который ушёл.

Ника открыла глаза.

— Я никуда не уходила.

— Значит, снимок показывает не тебя.

— Покажи, — потребовала она.

Лем не отдал карточку. Он провёл пальцем по лицу шестой фигуры, будто мог стереть её бумажной пылью.

— Лем, — сказала Веста. — Сколько людей ты видишь?

— Шесть.

— Сколько помнишь в комнате до вспышки?

Он пересчитал их взглядом.

— Шесть.

— Назови.

Лем назвал всех, кроме Ники. На её месте остановился.

— Ты знаешь меня, — сказала она.

— Знаю.

— Как зовут?

Он молчал слишком долго.

Ника ударила его по лицу. Лем качнулся, но карточку не выпустил.

— Теперь запомнил? — спросила она.

— Ты собираешься уйти.

— Я стою здесь!

— Камера показала уход. Лицо уже пропало из памяти.

Мара вспомнила слова Ады: Лем забывает лица ушедших. Это звучало почти мило-сердно, пока уходом не оказалось предсказание, движение за границу кадра, ещё не принятое решение.

— Снимок назначил её ушедшей, — сказала Мара. — Поэтому ты её не узнаёшь?

— Не снимок, — ответила Веста. — Его цена. Лем оставил лица тех, кто уходит. Ателье само решает, когда уход начался.

— Удобно для вас. Он не помнит тех, кого вы выставили.

Лем поднял голову.

— Она никого не выставляет.

— Откуда ты знаешь, если не помнишь лиц?

Карточка затрещала в его пальцах.

Веста заслонила Лема собой.

— Сейчас не время.

— Для чего сейчас время? — спросила Мара. — Для ещё одного правила после того, как оно кого-нибудь покалечит?

Витрина ударила изнутри. Чёрная ткань сорвалась с верхних крючков. В отражении больше не было Ники. Там стояла девочка лет восьми с тяжёлой косой и фотоаппаратом на шее.

Веста произнесла:

— Лота.

Девочка подняла камеру.

Тиш метнулся к выключателю, но не к общему свету. Он погасил красную лампу лаборатории. Наступила полная темнота.

Вспышка не произошла.

— В кладовую, — сказал Тиш. — Там нет отражений.

Он первым повёл Нику, держась за её рукав. Сава поднял упавшие кассеты. Лем пошёл следом, всё ещё не глядя на Нику. Ада потянула Мару.

Веста осталась у стекла.

— Вы тоже, — сказал Тиш.

— Это моя дочь.

— Это кадр, который знает, кого показать.

— Ты не знаешь этого места лучше меня.

— Не знаю ни одного места.

В его голосе впервые появилась злость.

Он вернулся, взял Весту за запястье и потащил от витрины. Она сопротивлялась, но Тиш не отпустил.

Кладовая оказалась узкой комнатой без окон, забитой коробками фотобумаги. Веста закрыла металлическую дверь. Сава включил карманный фонарь и положил его на пол светом вниз.

Тиш обошёл стены, касаясь каждой костяшками пальцев.

— Здесь можно выйти? — спросила Мара.

— Везде можно выйти, если место перестанет тебя держать.

— А это держит?

— Не знаю.

— Ты привёл нас сюда.

— Потому что здесь нет отражений.

— Но ты не знаешь, безопасно ли?

Тиш сел на коробку.

— Я не чувствую разницы между комнатой, где прожил пять лет, и автобусной остановкой. Между своей кроватью и полом в чужом подъезде. Я могу запомнить адрес, замки, скрип досок. Не могу понять, что вернулся домой.

Он говорил тихо, но никто не перебил.

— Я оставил это чувство в ветви, где был дом. Думал, если выйду, найду другой. Теперь выбираю место по стенам. В этой кладовой четыре стены и одна дверь. Пока этого достаточно.

Мара посмотрела на остальных. Сава прижимал к плечу сложенную ткань и не замечал, что она пропиталась кровью. Ника сидела на полу напротив Лема, заставляя его смотреть ей в лицо. Ада держала ладонь на дверной ручке.

Пятеро не были детьми с чудесными дарами. Ателье не дало им ничего. Оно взяло у каждого способность, которую обычный человек замечает лишь в момент утраты, и научило называть зияние полезным свойством.

— А ты? — спросила Мара у Ады. — Ты оставила ложь. Что в этом страшного, кроме неудобства для Весты?

— Я не могу сказать человеку то, что считаю неправдой. Даже если правда принадлежит не мне.

— Например?

Ада посмотрела на Нику.

— Если она спросит, узнаю ли я её голос, я отвечу нет.

Ника отвернулась.

— Если Тиш спросит, дом ли это, я отвечу нет. Если Сава спросит, всё ли будет хорошо, — нет. Если Лем спросит, вернутся ли лица, — не знаю. Люди думают, что честность оставляет им выбор. Иногда она отнимает минуту, в которую они могли удержаться.

— Ты могла просто молчать.

— Молчание тоже бывает ложью, если ждут ответа.

— Это ты так решила или дверь?

— Теперь нет разницы.

В металлическую дверь постучали.

Три раза, потом два.

Веста выпрямилась.

— Это Лота. Наш знак.

— Ваш знак мог увидеть любой снимок, — сказал Тиш.

Снаружи голос Ники произнёс:

— Мама, открой.

Ника закрыла рот обеими руками. Голос продолжил:

— Я не прошу оставить меня. Только посмотри, какой я стала.

Веста коснулась ручки поверх ладони Ады.

— Убери руку.

— За дверью не Лота, — сказала Ада.

— Ты не можешь знать.

— Могу. Ты сама не веришь, что это она.

Веста замерла.

Правда Ады ударила точнее запрета. Веста медленно отняла руку.

Снаружи что-то провело ногтями по металлу.

— Тогда что оно хочет? — спросила Ника.

Лем поднял карточку. Шестая фигура на ней исчезла. На её месте осталась дверь кладовой, снятая снаружи.

— Чтобы мы вышли в кадр, — сказал он.

Сава поднялся.

— Если оно знает эту дверь, кладовая больше не безопасна.

— И куда ты пойдёшь? — спросила Мара.

— Уничтожу поверхность, на которой держится адрес.

— Ты опять не боишься умереть.

— Это не аргумент против действия.

Мара встала перед дверью.

— Зато причина не доверять твоему выбору риска.

Сава нахмурился. Впервые его спокойствие треснуло не страхом, а обидой.

— Потеря не делает меня неспособным решать.

— Нет. Но вы все ведёте себя так, будто цена — новая профессия. Ты идёшь туда, куда страшно другим. Ада судит правду. Лем хранит тех, кто не ушёл. Ника повторяет только подтверждённые голоса. Тиш выбирает комнаты. Веста раздала вам роли вокруг дыр и назвала семьёй.

— Она дала нам жить, — сказал Лем.

— В одном дне.

— В единственном, который нас принял, — ответил Тиш.

За дверью перестали скрести.

Из дальнего коридора донёсся звон таймера. Один раз. Второй. Третий.

Веста побледнела.

— Проявитель в лаборатории.

— Там никого нет, — сказала Ада.

— Значит, кто-то проявляет себя сам.

В щели под дверью появилась тонкая белая полоска. Не свет — край фотобумаги. Она медленно вползала в кладовую.

На белом прямоугольнике проступило лицо раненого Яна.

Он смотрел прямо на Мару. По виску текла кровь. Губы складывались в слова, которых бумага не могла передать.

Внизу изображения проявилась надпись:

«ТЫ ВЫБРАЛА НЕ МЕНЯ».

Мара почувствовала в кармане острый край украденного негатива.

Теперь в ателье было как минимум двое, имевших право обвинить её в одном и том же выборе.

Негатив без автора

Бумажный Ян моргнул.

Не изображение дрогнуло от света — веки на снимке сомкнулись и открылись. Кровь у виска стала темнее. Надпись «ТЫ ВЫБРАЛА НЕ МЕНЯ» расплзлась по нижнему полю, словно её только что вывели тупым карандашом.

Мара опустила на колени. Карточка лежала наполовину в кладовой, наполовину под металлической дверью. Потянуть её означало ответить тому, кто проталкивал бумагу с другой стороны.

— Ян, — позвала она.

На снимке брат поднял ладонь. За его плечом темнели стеллажи.

Не улица и не больничный коридор. Архив.

Мара узнала эмалированную табличку с цифрой четыре: такую она заметила над лестницей, когда Веста вела её через пассаж. Тогда дверь под табличкой была заложена коробками.

Снимок втянулся обратно на ширину пальца.

Мара прижала его ладонью к полу.

— Он показывает, где находится, — сказала она. — Четвёртый архив.

— У нас нет четвёртого архива, — ответила Веста.

Ада посмотрела на неё.

— Есть.

Одного слова хватило. Веста не могла солгать Аде незаметно: девочка слышала неправду не по голосу, а по той паузе, в которой человек решал заменить ответ.

Сава присел рядом с Марой. Кровь с его плеча уже пропитала сложенную ткань.

— Бумага движется к двери. Возможно, адрес требует, чтобы мы следовали.

— Возможно, нас туда тащат.

— Это одно направление.

— Но разные причины.

Сава взял карточку за угол. На изображении Ян повернул голову, будто услышал их спор. За стеллажами вспыхнул белый прямоугольник. Потом второй. Десятки снимков проявлялись в темноте без ванн и света.

— Архив уже заражён, — сказал Лем.

— Снимки не болеют, — отрезала Веста.

— Тогда почему ты боишься туда идти? — спросила Ника.

Веста перевела взгляд на неё и не ответила.

Мара выдернула карточку из-под двери. С другой стороны бумагу отпустили сразу. На обороте проступил номер: 04–20–Л.

Лем увидел его и побледнел.

— Верни.

— Кому?

— Архиву.

— Ты же сказал, его нет.

— Это Веста сказала.

Он впервые произнёс её имя без привычного «госпожа Рой». Веста заметила, но не одёрнула.

Снаружи кладовой скрипнула половица. Потом следующая. Кто-то шёл по коридору медленно, ставя ноги ровно туда, где дерево отзывалось громче всего.

Тиш наклонился к щели.

— Оно запоминает путь.

— Откуда знаешь? — спросил Сава.

— Так запоминал бы я.

Шаг остановился у двери. Ручка не повернулась. Вместо этого снаружи трижды постучали, потом дважды — знак Лоты.

Веста закрыла глаза.

Мара сунула снимок за пояс.

— Веди нас в архив.

— Там нет выхода.

— Значит, ты знаешь, где он.

— Я знаю все помещения своего ателье.

— Кроме тех, которых нет?

За дверью голос Яна сказал:

— Мар, я не чувствую левую руку.

Она рванулась к ручке. Ада удержала её за запястье.

— Ты не знаешь, он ли это.

— На снимке был он.

— На витрине была Лота.

— Раненый Ян существует. Я его видела.

— Поэтому голосу легче им стать.

Снаружи Ян тихо выругался — именно так, как ругался, когда не хотел напугать Мару. Затем попросил:

— Скажи хотя бы, почему выбрала его.

Мара не помнила последней ссоры, оставленной дверям, но тело помнило привычку оправдываться. Объяснить, что целый брат показался правильнее раненого. Что она выбирала не между людьми, а между степенями боли. Что успела назвать спасением вариант, где ей легче смотреть на него.

Она отступила от двери.

— Я отвечу ему в лицо.

Голос умолк.

Тиш приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы увидеть пол. Коридор был пуст. На досках лежала цепочка мокрых фотографий. На каждой — следующая дверь.

— След, — сказала Ника.

— Приманка, — поправила Веста.

— Ты всё равно пойдёшь, — сказала Ада. — Потому что номер заканчивается буквой «Л».

Веста резко повернулась к ней.

— Не произноси за меня решения.

— Тогда произнеси сама.

Веста сняла со стены кладовой плоский ключ. Его бородка была похожа на зубчатый край плёнки.

— Идём вместе. Ничего не трогать. Если увидите собственное лицо на старом кадре, не пытайтесь вспомнить, когда вас снимали.

— Почему? — спросила Мара.

— Потому что память предложит ответ. Архиву всё равно, будет ли он правдой.

Они вышли цепочкой. Веста шла первой, за ней Тиш, проверявший стены кончиками пальцев. Ника держалась между Адой и Лемом. Сава замыкал, хотя раненое плечо опустилось ниже здорового. Мара осталась рядом с ним.

— Тебе нужно перевязать руку.

— После устранения причины.

— Причина не перестанет существовать, если ты истечёшь кровью.

— Я не истекаю.

— Это выражение.

— Нет. Это неточное описание скорости потери крови.

Она хотела рассердиться, но заметила, как он считает вдохи. Не из страха — вместо него Сава пользовался цифрами. Двенадцать шагов, вдох. Восемь капель на полу, поворот. Всё, что тело могло сообщить тревогой, он переводил в учёт.

— Скажи, если станет хуже.

— По какому показателю?

— Если перестанешь придирается к словам.

Уголок его рта дрогнул.

Цепочка фотографий привела их к лестнице. Табличка «4» висела над нишей, заставленной рамами и картонными коробками. Веста и Сава разобрали завал. За ним обнаружилась узкая стальная дверь без ручки.

Веста вставила плёночный ключ.

— Архив закрыли двадцать лет назад, — сказала она. — До появления Савы. До всех вас.

— До исчезновения Лоты? — спросила Мара.

Ключ остановился на половине оборота.

— В тот день.

Ада шумно вдохнула, но промолчала. Правда, которую Веста наконец сказала сама, оказалась тяжелее разоблачения.

Замок щёлкнул. Из-за двери пахло мокрой бумагой и холодным железом.

Архив занимал пространство, которого не могло поместиться между лестницей и наружной стеной. Стеллажи уходили вниз амфитеатром, повторяя изгиб пассажа. На полках стояли серые конверты. На каждом значились дата, время и фамилия фотографа.

У первых рядов фамилии были написаны чернилами. Дальше подписи бледнели. На нижних полках вместо них оставались пустые линии.

— Безавторские, — прошептал Лем.

Ника повторила:

— Безавторские.

Её голос вернулся от стеллажей десятком чужих тембров.

— Не говори здесь, — велела Веста.

Ника прикусила губу. Отказаться от речи было для неё единственным способом не услышать себя похищенной.

Мара достала снимок Яна. Изображение изменилось: брат стоял внизу архива возле настольной лампы. Рана на виске была перевязана. Он указывал за границу кадра.

— Он впереди.

— Или снимок дорисовывает путь, — сказал Сава.

— Ты веришь только тому, что можно измерить?

— Нет. Измерение тоже может лгать. Но оно обязано показать способ ошибки.

Они спускались между рядами. Даты на конвертах складывались в один и тот же день — двадцать третье ноября. Менялся только год.

Мара остановилась.

— Сегодня двадцать третье.

— Ателье не удерживает один день, — сказала Ада. — Оно повторяет его дату.

Веста продолжила идти.

— Календарь — удобная рама. Не больше.

— Тогда почему здесь двадцать лет одного числа?

— Потому что в другие дни архив не открывается.

На конвертах были часы: 09:40, 12:06, 18:31, 23:17. Снова и снова фотографировали один и тот же пассаж — стеклянную крышу, фонтан без воды, ателье за витриной. Но люди менялись. Продавцы старели, магазины закрывались, вывески исчезали. Только дверь «Суток» оставалась на месте.

И девочка с тяжёлой косой.

Лота попадала в край каждого кадра. В девять лет она держала Весту за руку. В одиннадцать несла штатив. В пятнадцать спорила с кем-то за витриной. На снимках последних лет её тело не взрослело. Менялись пальто, длина волос, выражение лица, но рост и возраст оставались прежними.

— Это не серия за двадцать лет, — сказала Мара. — Это один возраст, который вы переносили дальше.

Веста сняла со стеллажа конверт.

— Я сохраняла доступ.

— К дочери или к её фотографии?

— В тот день она была моей дочерью.

— А на следующий перестала бы?

Веста сжала конверт. Бумага хрустнула.

— На следующий день её не было.

Внизу архива зажглась настольная лампа. Никто к ней не прикасался.

Под зелёным абажуром лежал раскрытый регистрационный журнал. Мара увидела знакомый почерк — круглые буквы Весты, которыми были подписаны банки в лаборатории.

Лем встал перед журналом, заслонив его.

— Не надо.

— Ты читал? — спросила Мара.

Он смотрел мимо неё.

— Каждый раз читаю. Потом забываю лицо и думаю, что запись о другой девочке.

Веста коснулась его плеча.

— Отойди.

— Нет.

Она не повысила голос:

— Лем.

— Ты говорила, забывать ушедших — милость. Но я забываю Лоту не потому, что она ушла. Ты каждый год заставляешь её уходить снова.

Веста убрала руку.

Мара обошла Лема и прочла последнюю заполненную страницу.

«23 ноября. Экспозиция 08:12. Автор: Лота Рой».

Ниже: «Адрес не закрыт. Объект отказался от закрепления».

Следующая строка была добавлена другим цветом:

«Авторское право передано хранителю».

Под ней стояла подпись Весты.

— Она сама сделала снимок, — сказала Мара.

— Да.

— И отказалась остаться.

— Она не понимала последствий.

— Сколько ей было?

— Пятнадцать.

Мара почувствовала, как Ника рядом напряглась. Пятнадцать — возраст, в котором взрослые охотно называли выбор ребёнка несерьёзным, пока им не требовалось назначить за него цену.

— Что было на снимке?

Веста смотрела на раскрытый журнал.

— Пассаж без ателье.

— Она хотела уничтожить его?

— Она хотела проверить, может ли день продолжиться без нас. Сделала экспозицию снаружи, вошла в получившийся адрес и отказалась вернуться. К полуночи ветвь должна была распасться.

— Но не распалась.

— Я закрепила доступ.

— Против её решения.

— Я не собиралась хоронить дочь из уважения к подростковому упрямству.

Ада встала напротив Весты.

— Ты не верила, что спасаешь её.

Веста побелела.

— Осторожнее.

— Ты верила, что сохраняешь возможность её вернуть. Это не одно и то же.

Слова прошли по архиву, и на пустых линиях конвертов проступили подписи. Все одинаковые: «Лота Рой».

Потом чернила поплыли и исчезли.

С верхних полок посыпались негативы.

Они падали медленно, поворачиваясь в воздухе чёрными зеркалами. На каждом был пассаж с отсутствующей фигурой в центре. Не вырезанной, не засвеченной — местом, которое изображение ожидало заполнить.

Сава поймал одну пластинку здоровой рукой.

— Не трогать! — крикнула Веста.

Слишком поздно. В стекле проступило его лицо. За Савой появилась улица, которой никто не видел: пассаж стоял там пустой и разрушенный, а на месте ателье росло дерево.

Негатив раскололся у него в пальцах.

По архиву прошёл толчок. Стеллажи сдвинулись на ладонь, перекрыв лестницу.

— Это они ломают адреса, — сказал Сава. — Пустые авторские места.

Веста бросилась к нему и вытряхнула осколки из ладони.

— Безавторский кадр не может удержать решение. Он берёт ближайшего свидетеля.

— Значит, кто-то удалил авторов, — сказала Мара.

— Они сами отказались.

Ада покачала головой.

— Не все.

На ближайших конвертах проступили имена: десятки разных фамилий. Затем поверх каждой возникла короткая запись: «право передано хранителю». Подпись Весты повторялась год за годом.

Мара поняла раньше, чем Веста успела закрыть журнал.

— Вы забирали авторство, когда человек оставлял цену.

— Я принимала ответственность за нестабильные ветви.

— Нет. Вы превращали чужой выбор в собственность ателье.

Лем отступил от Весты. Ника не сказала ничего, но впервые встала рядом с Марой. Тиш провёл ладонью по стеллажу и тихо спросил:

— Здесь есть мой первый адрес?

Веста не ответила.

— Есть, — сказала Ада за неё.

Тиш начал читать даты на корешках.

— Не ищи, — попросила Веста. — Ты не найдёшь там дома.

— Зато найду момент, когда ты решила, что он мне не нужен.

Архив снова содрогнулся. На этот раз снизу донёлся металлический треск. Полки расходились, открывая узкий проход к стене, увешанной двадцатью большими фотографиями.

На первой Лота входила в пассаж. На второй поднимала камеру. На третьей смотрела прямо в объектив другого аппарата, будто её снимали в ответ. Дальше изображения становились темнее. На девятнадцатом от девочки оставался только силуэт за стеклом.

Двадцатая фотография была сделана сегодня.

В центре стоял раненый Ян. Он держал за руку Лоту, всё ещё пятнадцатилетнюю. За ними открывалась улица без «Суток».

Мара подошла ближе.

Ян на снимке был бледен, но стоял сам. Его взгляд не обвинял. Надпись на карточке из кладовой была не его словами — архив использовал её вину как приманку.

— Он нашёл ветвь Лоты, — сказала она.

— Не мог, — ответила Веста. — Доступ был только у меня.

— И у автора.

Веста посмотрела на последнюю фотографию так, словно двадцать лет ждала увидеть дочь и не подготовилась к тому, что рядом с ней окажется человек, способный свидетельствовать против спасения.

На обороте большой карточки что-то царапнуло. Мара сняла её со стены.

Там были слова, выведенные ногтем по влажной эмульсии:

«НЕ ЗАКРЕПЛЯЙТЕ НАС».

Ниже стояли две буквы: Л и Я.

Веста выхватила фотографию.

— Это подделка адреса.

— Ты узнаёшь почерк Лоты? — спросила Ада.

Веста не ответила.

— Узнаёшь.

Настольная лампа погасла. В темноте одновременно зашелестели тысячи конвертов.

Ника вскрикнула. Её голос повторили не стены, а люди на снимках. Каждый пустой кадр произнёс один и тот же звук своим забытым автором.

Потом заговорила Лота:

— Мама, верни имена.

Веста прижала фотографию к груди.

— Я не могу.

Ада ответила первой:

— Это правда.

Пол под ногами накренился. Стеллажи поехали вниз, как вагоны на невидимых рельсах. Сава толкнул Мару к стене, а сам едва удержался раненой рукой. Тиш ухватил Нику за ворот. Лем лёг поперёк прохода, не давая конвертам унести Аду.

Мара увидела, как пустые центры негативов заполняются их лицами. Архив назначал новых авторов вместо стёртых. Если они останутся, каждый получит чужой выбор и чужую цену.

— Имена в журнале! — крикнула она. — Верните строки!

— Чернила давно смыты, — ответила Веста.

— Но Лем видел лица.

Лем поднял голову.

— Я забываю ушедших.

— Зато помнишь тех, кто ещё здесь. Авторы не исчезли — их ветви удерживает архив.

Он посмотрел на падающие негативы. В каждом пустом месте на мгновение возникало лицо, прежде чем смениться другим.

— Я не знаю имён.

— Начни с лиц.

Лем схватил журнал. На первой пустой строке нарисовал пальцем овал, брови, шрам над губой. Чернила проступили сами: «Ренат Савич».

Толчки ослабли.

Ника поняла первой. Она слушала голоса из конвертов и повторяла каждый — не слова, а тембр. Лем ловил лицо, Ада читала появившееся имя вслух, чтобы архив не смог заменить его удобной подписью. Тиш удерживал стеллажи и называл точное место конверта: ряд, полка, номер. Сава, забыв о плече, собирал негативы в порядке дат.

Их утраты впервые перестали быть ролями, назначенными Вестой. Они использовали то, что сохранилось, не изображая цену даром.

Мара добралась до журнала Лоты. Строка «авторское право передано хранителю» не стиралась. Поверх подписи Весты проступал новый адрес: 23:17, витрина главного зала.

До этого времени оставалось меньше часа.

— Почему её имя не возвращается? — спросила Мара.

Веста опустила рядом.

— Потому что я не только забрала авторство. Я сделала её снимок основанием ателье. Все последующие адреса держатся на отказе Лоты, который я записала как согласие.

— Поэтому они распадаются сейчас?

— Ты принесла новый негатив с человеком, который тоже отказался быть выбранным. Два отказа встретились. Архив больше не может притворяться, что первый был согласием.

Мара достала из-за пояса снимок Яна. Бумага стала прозрачной. Сквозь его лицо проступала Лота.

— Как открыть их ветвь?

— Вернуть Лоте кадр.

— Как?

Веста посмотрела на адрес в журнале.

— В 23:17 ателье повторит исходную экспозицию. Если Лота примет авторство, основание исчезнет. Вместе с ним могут исчезнуть все помещения «Суток» и все ветви, которые ещё не выбрали продолжение.

— А если не вернуть?

— Безавторские негативы назначат владельца сами. Того, кто окажется в главном зале. Один человек получит право закрепить всех.

С верхней полки выпал свежий конверт. На нём стояло сегодняшнее время — 23:17 — и имя:

«Мара Лин».

Она открыла его.

Внутри лежал негатив, на котором Мара стояла у витрины с рюкзаком Яна на плече. Тот самый образ, появившийся после обещания вернуться. Только теперь в её руке был закрепляющий объектив Весты.

Вокруг неё не осталось никого.

— Архив выбрал тебя, — сказал Лем.

— Нет, — ответила Мара. — Он увидел, что я уже выбирала за другого, и решил, что соглашусь снова.

Она перевернула негатив тёмной стороной вниз.

Изображение не исчезло.

До 23:17 оставалось пятьдесят три минуты.

Брат, который не просил

Веста велела всем подняться из архива, но Мара осталась у стола.

Негатив с её именем лежал тёмной стороной вверх. Даже так она видела себя у витрины — одинокую фигуру с закрепляющим объективом в руке. Изображение просвечивало через серебряный слой, будто решение уже находилось не на стекле, а внутри неё.

— Пятьдесят три минуты, — сказал Сава. — Теперь пятьдесят одна.

— Очень помогает.

— Время не обязано помогать.

Он стоял, опираясь здоровой рукой о стеллаж. Повязка на плече потемнела до локтя.

— Ты наверх не дойдёшь.

— Дойду медленнее расчётного.

Мара вынула из его кармана чистый платок.

— Сядь.

— Нам нужно подготовить главный зал.

— А мне нужно, чтобы ты не упал на лестнице.

Сава посмотрел на Весту, словно ожидал более разумного приказа. Та уже собирала журнал и не вмешалась. Он сел.

Мара затянула платок поверх пропитанной ткани. Сава поморщился.

— Больно?

— Да.

— А страшно?

— Ты знаешь ответ.

— Хочу услышать, как он звучит для тебя.

Он подумал.

— Как дверь без ручки. Я понимаю, что за ней должна быть комната. Не могу войти.

Мара завязала узел слабее.

На столе шевельнулся снимок раненого Яна. Брат вышел из кадра, оставив Лоту одну. Девочка подняла палец к губам, затем указала на край фотографии. Там проявилась тонкая белая дверь.

— Адрес открывается, — сказала Мара.

Веста захлопнула журнал.

— Не сейчас.

— Через пятьдесят минут вы захотите вернуть Лоте кадр. Спросим, согласна ли она.

— Адрес держится на двух отказах. Третий переход может разорвать его.

— Или вы боитесь, что дочь снова скажет нет.

Ада подняла глаза на Весту. Та избежала её взгляда.

Белая дверь на фотографии стала шире. Из неё показалась рука Яна. Пальцы были испачканы кровью и проявителем.

— Он открывает изнутри, — сказал Лем.

Мара коснулась поверхности карточки. Бумага прогнулась, как натянутая ткань.

— Я пойду одна.

— Нет, — одновременно сказали Веста и Сава.

— Тогда решайте быстро, кто из вас запретит мне убедительнее.

— Я, — сказала Ника.

Все посмотрели на неё. Она держала ладонь у горла, будто не доверяла вышедшему голосу.

— Ты уже вошла одна в ветвь целого Яна и заплатила памятью. Теперь адрес знает, какую цену ты отдашь не глядя. Возьми того, кто остановит тебя.

— Ты пойдёшь?

Ника покачала головой.

— Там голоса. Я не отличу их от себя.

— Я пойду, — сказала Ада. — Если ты спросишь, спасаем ли мы Яна, я не позволю назвать спасением то, чего он не выбирал.

Веста достала плёночный ключ.

— Втроём. Я знаю основание адреса.

— Лота знает лучше, — ответила Ада.

— Но она не вернулась объяснить.

Фотография вздулась. Белая дверь ударила изнутри, и рука Яна исчезла.

Мара взяла карточку.

— Втроём. Сава остаётся. Если не вернёмся к 23:10, закройте архив и не ставьте мой негатив в камеру.

— Архив может сделать это сам, — сказал Сава.

— Тогда разбей камеру.

Он посмотрел на неё без страха, и от этого обещание прозвучало страшнее:

— Разобью.

Веста провела ключом по белой двери на снимке. Бумага разошлась с сухим треском.

За ней был пассаж под открытым небом.

Мара шагнула первой.

*

Ветвь Лоты начиналась с дождя.

В их Ладозье вечер был сухим, но здесь вода стекала с разбитой стеклянной крыши. Внутри пассажа росли молодые берёзы. Корни поднимали плитку, ветви тянулись к прямоугольникам неба. Там, где должны были светиться буквы «СУТКИ», осталась кирпичная стена с бледным контуром двери.

Мара обернулась. За спиной висела раскрытая фотография, удерживаемая в воздухе четырьмя белыми уголками. Через неё виднелся архив.

Ада прошла следом. Веста задержалась на пороге.

— Лота, — позвала она.

Эхо ушло под своды.

Никто не ответил.

Веста коснулась кирпичной стены. На месте дверной ручки рос мох.

— Она хотела именно этого, — сказала Мара.

— Она хотела доказать, что ателье можно убрать со снимка.

— Получилось.

— На один день.

Ада провела пальцами по коре ближайшей берёзы.

— Дереву больше дня.

Веста наклонилась к корням. В трещинах плитки лежали прелые листья нескольких осеней.

— Невозможно.

— Ты двадцать лет держала доступ, — сказала Мара. — Может быть, дала ветви двадцать лет будущего, пока считала, что не отпускаешь один день.

Веста посмотрела вверх. В её лице впервые не осталось уверенности хранителя. Только мать, обнаружившая, что дочь прожила без неё время, которое она запрещала существовать.

Из бывшей кофейни донёсся звон чашки.

Ян сидел у окна, прижимая к виску сложенную салфетку. Левая рука лежала на столе в самодельной шине. Напротив него Лота разливала чай из эмалированного чайника.

Она выглядела старше, чем на архивных снимках.

Не на двадцать лет — на несколько. Тяжёлая коса была обрезана до плеч, у губ появилась тонкая складка. На ней висело слишком большое рабочее пальто с нашитыми карманами.

Веста остановилась на пороге.

— Лота.

Девушка поставила чайник.

— Ты опять пришла в день, где мне пятнадцать.

— Я вижу тебя.

— Нет. Ты видишь разницу и пытаешься решить, ошибка ли она.

Веста сделала шаг. Лота подняла ладонь.

— Не ближе.

Ян повернулся к Маре.

— Наконец-то.

Она бросилась к нему, но остановилась перед столом. Его лицо было серым от усталости. На виске запеклась кровь. Левая кисть распухла.

— Что с рукой?

— Перелом или трещина. Я не врач.

— Я вытащу тебя.

Ян усмехнулся без радости.

— С этого начинаешь?

— Тебе нужна помощь.

— Мне нужна помощь. Это правда. Но куда ты собираешься меня вытаскивать?

— В ателье. Там аптечка, Сава умеет накладывать шину.

— А потом?

Мара не ответила.

— В ту ветвь, где я умер? Или к тому Яну, у которого обе руки целы?

— Я не знаю.

— Уже лучше.

Он кивнул Аде, словно именно её присутствие заставило Мару сказать правду.

— Кто тебя ранил? — спросила Мара.

— Автобус не перевернулся сразу. В моей ветви водитель выправил его, задел ограждение и остановился у старой пристани. Я помогал людям выйти. Потом дорога под нами перестала совпадать с дорогой в отражении. Стекло потянуло автобус в другую версию аварии.

— Ты прислал снимок.

— Какой?

Мара достала карточку. Надпись «ТЫ ВЫБРАЛА НЕ МЕНЯ» исчезла. Остался Ян в архиве.

Он посмотрел на неё.

— Я этого не писал.

— Знаю.

— Но думал.

Лота пододвинула ему чашку.

— Архив умеет брать мысль, которую человек не решился назвать, и выдавать за приказ.

— Ты написала «Не закрепляйте нас»? — спросила Мара.

— Это написали мы оба.

— Почему Ян оказался здесь?

Лота села рядом с ним.

— Его ветвь начала распадаться. Адрес искал основание. Мой кадр узнал отказ и открылся.

Веста всё ещё стояла у входа.

— Ты могла дать знак раньше.

— Давала.

— Я не получала.

— Ты получала только те кадры, где мне пятнадцать. Остальные отправляла в архив как ошибки проявления.

Веста качнула головой.

— На них не было твоего лица.

— Потому что я была фотографом.

В тишине дождь забарабанил по жестяному навесу. Веста закрыла рот ладонью. Все двадцать лет она искала дочь внутри изображения и отбрасывала снимки, сделанные её глазами.

— Я не знала, — произнесла она.

Ада ответила мягче, чем прежде:

— Теперь знаешь.

Мара села напротив Яна.

— Где тот ты, к которому я ходила?

— Недалеко.

— Что значит недалеко?

— Твоя дверь зацепила наши адреса. Пока ты возвращалась, он пошёл следом. Не в ателье — сюда.

— Почему?

— Спроси у него.

За окном между берёзами прошёл человек. Та же куртка, те же быстрые шаги, но без повязки и шины.

Невредимый Ян вошёл в кофейню и замер, увидев себя за столом.

— Вот теперь плохо, — сказал раненый.

— Ты жив, — ответил второй.

— Наблюдательный.

Мара встала между ними, сама не понимая, кого заслоняет.

Невредимый Ян заметил это.

— Даже сейчас выбираешь место, откуда проще решить, кто настоящий?

— Я никого не выбираю.

Ада втянула воздух.

Мара поправилась:

— Пытаюсь не выбирать.

— А я пытаюсь понять, почему вообще должен участвовать, — сказал невредимый Ян.
— Утром я опоздал на автобус. Потом появилась ты и сообщила, что живу не там. За мной открылась дверь, улица стала заканчиваться стеной, а люди начали помнить аварию, которой я не видел. Я пошёл следом не потому, что хотел спастись. Хотел найти того, чью жизнь мне предлагают занять.

Он смотрел на раненого.

— Нашёл.

— Не мою, — сказал тот. — Я был в автобусе. Она выбирала между нами после аварии.

— Значит, есть ещё погибший.

Мара почувствовала, как разговор превращает её утро в ряд чужих биографий. Погибший Ян, чьи вещи лежали в полицейском пакете. Раненый, выведший пассажиров. Опоздавший, проживший ссору. Ни один не был черновиком другого.

— Я видела только вас двоих, — сказала она.

— И решила, что этого достаточно, — ответил невредимый.

— Я хотела вернуть брата.

— Какого?

Она открыла рот и поняла, что любое имя признает остальных потерей.

— Того, кто сам захочет быть рядом.

Раненый Ян покачал головой.

— Удобный новый ответ. Теперь мы должны выбрать так, чтобы тебе не пришлось.

— А что мне делать? Закрепить одного?

— Перестать считать, что выбор обязательно твой.

Невредимый Ян снял рюкзак и поставил на стол. Мара узнала потёртый ремень, который видела на будущем негативе.

— Ты обещала вернуться, — сказал он. — Из-за обещания адрес привязал меня к тебе. Чем дальше я уходил, тем чаще оказывался у одной и той же двери. Твоё «вернись» стало правилом моей улицы.

— Я не знала.

— Но сказала.

Он вынул из рюкзака жетон №24.

— Это было у меня в кармане после твоего ухода. Не до. Ателье назначило мне место погибшего пассажира, чтобы я помещался в исходную историю.

Раненый Ян достал такой же жетон.

— У меня появился, когда дорога начала распадаться.

Мара взяла оба. Металл был тёплым. Два двадцать четвёртых пассажира для автобуса, в котором числилось двадцать три.

— Ателье дописывает причину задним числом, — сказала Ада.

— Не причину, — возразила Лота. — Владельца различия. Если ветвь появилась без согласия человека, кадр ищет того, на кого можно записать лишнюю жизнь.

Она посмотрела на Мару.

— Раньше это была моя мать. Теперь архив выбрал тебя.

Веста наконец вошла в кофейню.

— Я могу снять назначение.

— Как? — спросил невредимый Ян.

— Закрепить исходный кадр на себе. Вернуть Лоте авторство, а хранителем сделать меня.

Лота рассмеялась коротко и устало.

— Опять предлагаешь стать стеной, без которой все рухнут.

— Я создала долг.

— Значит, только ты имеешь право его выплатить?

— Я не прошу права.

— Ты никогда не просишь. Ты объявляешь жертву и заставляешь остальных быть благодарными.

Веста отступила, будто дочь ударила её.

Раненый Ян поднялся. Стол качнулся, Мара протянула руку, но он удержался сам.

— Хватит решать способ, пока никто не назвал цену.

— Цена известна, — сказала Веста. — Одна неизменяемая часть личности за переход.

— Это цена двери. Я спрашиваю о цене нашего существования.

Он положил жетон на стол.

— Если один адрес закрепят, что произойдёт с нами?

Веста посмотрела на двух Янов.

— Незакреплённые варианты лишатся будущего.

— Умрут?

— Не так. Их день закончится. Для тех, кто снаружи, останется только выбранная причинность.

— А для нас?

— Я не знаю.

Ада кивнула: правда.

Невредимый Ян поставил рядом второй жетон.

— Если не закреплять никого?

Лота ответила:

— Раньше я думала, ветви распадутся. Но эта прожила годы. Возможно, будущего хватает всем, если никто не владеет исходным кадром.

— Возможно? — переспросила Мара.

— Мама не дала проверить. Каждый год она снова прикрепляла мой отказ к ателье.

Веста стиснула плёночный ключ.

— В первый год твоя улица исчезала по краям. Во второй люди забывали названия. Я удерживала не только тебя.

— А спрашивала их?

— Не могла войти.

— Зато могла решить.

Невредимый Ян подошёл к окну. За мокрым стеклом берёзы дрогнули, и на мгновение вместо них возник главный зал «Суток». Часы над витриной показывали 22:39.

— Времени меньше, — сказал он. — Отведите нас к исходному кадру.

— Обоих нельзя, — ответила Веста. — Два варианта одного человека у камеры создадут взаимную экспозицию.

— Значит, пойдём по очереди.

— Адрес закроется после первого.

Раненый Ян посмотрел на своего невредимого двойника.

— Тогда сначала он.

— Почему? — спросила Мара.

— Потому что ты уже однажды выбрала его первым. Хочу увидеть, откажется ли он от преимущества.

Невредимый Ян нахмурился.

— Откажусь.

— Легко, пока дверь открыта.

— Тогда ты первый.

— Чтобы я оказался удобным мучеником?

Они спорили одинаковыми словами, но разными жизнями. Мара узнавала интонации брата в обоих и всё меньше понимала, что раньше называла настоящей.

— Никто не идёт первым, — сказала она.

Оба повернулись к ней.

— Я не выбираю за вас. И не предлагаю вам выбрать друг друга. Мы принесём камеру сюда.

Веста покачала головой.

— Закрепляющий объектив нельзя вынести из ателье.

— Почему?

— Он является его центром.

— Тогда вынесем центр.

— Стены сложатся.

— Здесь стены уже исчезли и выросли деревья.

Лота улыбнулась впервые.

— Теперь узнаю человека, которого архив испугался назначить владельцем.

Мара не приняла похвалу. Архив выбрал её не из-за силы, а из-за знакомой слабости — желания исправлять чужое изображение, пока оно не перестанет спорить.

— Нужно вернуться, — сказала она. — Снять объектив и принести его к белой двери. Вы останетесь по эту сторону, пока мы не поймём правила.

Раненый Ян взял её за рукав.

— Нет. Сначала ответь.

— На что?

— Если окажется, что будущего хватает только одному, что ты сделаешь?

Она посмотрела на него, затем на невредимого Яна.

— Не знаю.

— Это не решение.

— Зато не ложь.

Ада молчала.

Невредимый Ян подошёл ближе.

— Тогда обещай не закреплять никого, пока мы сами не узнаем цену.

Мара вспомнила прежнее обещание — вернуться — и улицу, которую оно превратило для него в круг.

— Не буду обещать словами, которые адрес сделает цепью. Я отдам вам свой негатив. Без него архив не сможет назначить меня владельцем.

Она вынула пластинку со своим именем и положила между жетонами.

Изображение одинокой Мары треснуло тонкой линией. Закрепляющий объектив в её руке разделился надвое.

Снаружи гроыхнуло. Берёзы наклонились к кофейне, хотя ветра не было.

Белая дверь в архиве начала закрываться.

— Мама, — сказала Лота.

Веста обернулась.

— Если хочешь помочь, не удерживай дверь. Открой новую.

Веста сняла плёночный ключ с кольца и положила на стол перед дочерью.

— Я не знаю как.

— Наконец-то.

Они не обнялись. Лота накрыла ключ ладонью, а Веста оставила свою руку рядом, не касаясь.

Мара, Ада и Веста шагнули к фотографии. Перед переходом Мара оглянулась.

Два Яна стояли у окна — один с рукой в шине, другой с рюкзаком у ног. Не запасной и не спасённый. Два человека, которым её любовь задолжала право на ответ.

— К 23:17, — сказал раненый.

— С ценой, — добавил невредимый.

Белая дверь захлопнулась за Марой.

В архиве часы показывали 22:42.

На подготовку новой экспозиции оставалось тридцать пять минут.

Комната красного света

В архиве пахло мокрым железом.

Белая дверь исчезла, оставив на стене прямоугольник сухой штукатурки. На полу лежала половина закрепляющего объектива — не осколок, а точная половина линзы в латунной оправе. Вторая осталась в ветви Лоты вместе с двумя Янами и негативом Мары.

Веста подняла оправу. Сквозь срез было видно не помещение, а узкую улицу с берёзами. Раненый Ян сидел у окна кофейни, невредимый держал в руках две металлические бирки. Изображение не двигалось, пока Мара не моргнула; после этого братья поменялись местами.

— Объектив уже не центр, — сказала Ада.

— Он стал двумя центрами, — ответила Веста.

— Это хуже?

— Я не знаю.

Часы над архивным столом щёлкнули: 22:43.

Мара забрала половину линзы у Весты. Латунь была тёплой, как жетоны Янов. По внутренней резьбе тянулась светлая царапина. Она совпадала с трещиной на её негативе.

— Где лаборатория?

— Ты хочешь ставить опыты сейчас?

— Сейчас у нас есть тридцать четыре минуты. Потом будет только последствие.

Веста посмотрела на пустую стену. Рука её осталась поднятой, будто дверь ещё можно было удержать.

— За мной.

Они вышли из архива в главный зал. Остальные ждали у камеры. Сава подпирает плечом перекошенную стойку, Тиш связывал разошедшиеся рамы шнуром от шторы, Ника раскладывала на прилавке чистые стеклянные пластины. Лем стоял перед общим портретом команды и шёпотом называл лица, пока они не успели стать незнакомыми.

— Лота жива, — сказала Веста.

Никто не обрадовался за неё сразу. В этой комнате слово «жива» требовало адреса.

— Где? — спросил Тиш.

— В своей ветви. Она старше. У неё плёночный ключ.

Лем обернулся.

— Ты её узнала?

Веста ответила не сразу:

— Не сначала.

Ада кивнула. Ника убрала одну пластину, освобождая место для половины объектива.

— А Яны? — спросил Сава.

— Оба там, — сказала Мара. — И ни один не согласился быть выбранным. Мы должны понять, можно ли дать им продолжение без владельца.

— За полчаса?

— За столько, сколько у них есть.

Красная лампа лаборатории горела за двойной дверью. Веста отперла первую, но перед второй остановилась.

— Внутри ничего не трогайте без команды.

— Чьей? — спросила Ника.

Веста сняла ключ с пальца. Только тогда вспомнила, что отдала его Лоте.

— Того, кто назовёт цену до действия.

В лаборатории вдоль стены стояли четыре чёрные ванны. Над каждой висела белая эмалевая табличка: «ЭКСПОЗИЦИЯ», «АДРЕС», «ПРОЯВЛЕНИЕ», «ЗАКРЕПЛЕНИЕ». Послед-

няя ванна была накрыта стеклом и заперта двумя скобами. Красный свет не отражался в её жидкости. Там лежала густая темнота, в которой иногда вспыхивали чужие зрачки.

На сушильной верёвке висели узкие полосы пробной бумаги. Первая была пустой. На второй проступала дверь. На третьей за дверью стояла комната. На четвёртой в комнате сидел человек без лица. Пятая показывала ту же комнату пустой, но от стула к нижнему краю кадра шла тень.

— Это и есть правила? — спросила Мара.

— Их следы, — сказала Веста. — Лота вывела последовательность. Я превратила её записи в порядок работы.

— И вычеркнула автора.

Веста не возразила.

Ника провела ногтем по краю первой ванны.

— Что проверяем?

Мара положила половину объектива на стол.

— Каждую стадию отдельно. Без людей в кадре.

Сава придвинул штатив. Тиш нашёл деревянную коробку с диафрагмами. Лем принёс из зала треснувшие карманные часы, которые всё равно показывали разное время каждому смотрящему. Ада выбрала предмет для снимка — пустой стакан — и поставила его на белый квадрат кафеля.

— Почему стакан? — спросил Сава.

— Если станет два стакана, никто не начнёт спорить, у какого больше прав, — ответила она.

— Стаканы не говорят.

— Поэтому опыт плохой. Но человек хуже.

Веста установила чистую пластину в кассету. Мара следила за каждым движением. В обычной фотографии эти слова обозначали этапы обращения со светом и материалом. Здесь они стали должностями. Экспозиция решала, что могло различиться. Негатив давал различию адрес. Проявление заставляло мир оплатить отличие веществом. Закрепитель объявлял одно из отличий окончательным.

— Снимаем стакан в двух положениях, — сказала Мара. — Сначала у края плитки, потом в центре. Ничего не закрепляем.

Тиш переставил стакан. Сава открыл затвор. Ника отсчитала вдохами секунды, потому что её голос мог прозвучать для неё чужим. Ада записала порядок мелом на стене. Лем смотрел только на руки участников, боясь потерять ещё одно лицо.

После второй экспозиции Веста разделила пластину тонкой чёрной рамкой и погрузила в ванну «АДРЕС».

На стекле появились два одинаковых стакана и одна дверь между ними.

— Негатив не создаёт вариант, — сказала Мара. — Только место перехода.

— Я говорила это, — отозвалась Веста.

— Ты говорила как запрет. Сейчас это можно проверить.

Они перенесли пластину в проявитель. В дальнем углу лаборатории звякнуло. На полке стояли уже два стакана: один у края белой плитки, другой в центре. Между ними темнела дверца размером с ладонь.

Сава потянулся к ней.

— Не надо, — сказали Мара и Веста одновременно.

Он убрал руку.

Тиш постучал по стаканам костяшкой. Оба звучали одинаково. Потом налил в первый воду. Второй остался пустым.

— Проявление делает разницу материальной, — сказала Ника.

— И дальше ветви уже не обязаны повторять друг друга, — добавила Мара.
Лем посмотрел на полосы бумаги.

— Тогда почему мы всё ещё видим обе?

— Потому что не закрепили, — ответила Веста.

— Нет, — сказала Ада. — Это предположение.

Веста сжала губы.

— Да.

Чтобы проверить закрепление, нужен был выбор. Даже между стаканами он показался Маре непристойным.

— Можно закрепить не положение, а различие? — спросила она.

Веста посмотрела на неё внимательнее.

— Закрепитель принимает только изображение.

— Изображение чего?

— Устойчивого результата.

— Это опять не правило. Это то, что ты от него требовала.

Мара взяла две полоски бумаги. На одной нарисовала стакан у края, на другой — стакан в центре. Затем положила между ними пустую полоску и написала: «ОБА ПОСЛЕ».

Красная лампа мигнула. Надпись потекла, словно бумага была мокрой.

— Слова адрес принимает хуже, — сказала Веста.

— Потому что слова назначают владельца?

— Потому что у них есть говорящий.

Ника коротко рассмеялась.

— Удобно устроено. Голос виноват уже тем, что принадлежит кому-то.

Она взяла пустую пластину и поднесла к губам. На стекле остался круг дыхания. Ника передала её Тишу, тот — Лему, Лем — Саве, Сава — Аде. Последней пластину получила Мара. Семь пятен сошлись, не совпав полностью.

— У этого изображения нет одного автора, — сказала Ника. — Попробуем его как основание.

Веста не запретила.

Они положили пластину поперёк двух вариантов стакана и приподняли стеклянную крышку закрепляющей ванны. В лабораторию вошёл холод. Не воздух — отсутствие движения. Капля на крапе перестала падать. Пламя красной лампы вытянулось и замерло.

Из темноты под стеклом поднялись тонкие серебряные нити. Они потянулись не к пластине с дыханием, а к рукам тех, кто её касался.

Сава первым заметил.

— Она выбирает не снимок. Она выбирает того, кто не отдернет руку.

Нити коснулись его запястья. Он не испугался и потому не отступил.

Мара ударила крышкой. Скобы захлопнулись, одна серебряная нить осталась снаружи и зашевелилась по столу, как волос в воде.

— Вот зачем ей оставленные черты, — сказала Ада. — Закрепитель ищет человека, который не сможет отказаться.

Сава смотрел на красную отметину на коже.

— А я не могу испугаться достаточно рано.

— Ты можешь послушать нас, — сказал Тиш и отвёл его от ванны.

Ника провела пальцем над серебряной нитью, не касаясь.

— Значит, совместное авторство не спасает. Ванна всё равно назначает крайнего.

— Пока объектив соединён с ателье, — сказала Мара.

Она поднесла половину линзы к дверце между стаканами. В разрезе оправы показалась кофейня Лоты. На этот раз оба Яна двигались: раненый что-то писал правой рукой, невреди-

мый держал плёночный ключ над маленькой дверью, выросшей на столе. Лота стояла за ними с камерой.

Тридцать одна минута превратилась в двадцать семь.

— Вторая половина уже строит адрес, — сказала Веста. — Лота поняла раньше нас.

— Раньше тебя, — поправила Ада.

Веста кивнула.

Мара поставила линзу в держатель над двумя стаканами. Маленькая дверь раскрылась. За ней находилась та же полка, но стакан у края был покрыт пылью, а в его стенках проросли белые кристаллы. Второй стоял в центре, полный свежей воды.

— Там прошло время, — сказал Лем.

— У обоих, — ответила Мара.

Тиш протянул к дверце нитку и тут же вытащил. На конце образовался узел, которого он не завязывал.

— Не одинаковое время.

— Но будущее есть у обоих, пока закрепитель закрыт, — сказала Ника.

Веста подошла к ванне.

— Чтобы доказать обратное, придётся закрепить один.

— И убить второй опыт, — ответила Мара.

— Ты хотела материального доказательства.

— Не ценой человека.

— Здесь стаканы.

— Сейчас стаканы. Правило останется тем же.

Ада посмотрела на Мару.

— Если мы не увидим цену, ты можешь решить, что её нет.

Это было жестоко и верно. Мара вспомнила, как стирала с фотографий пустой стул, разбитую чашку, тень Яна у двери. Она никогда не считала удалённое смертью. Всего лишь делала кадр удобнее для взгляда.

— Закрепляем воду, — сказала она. — Не стакан. Смотрим, что исчезнет.

Веста приготовила узкую пробную рамку, оставив открытым лишь квадрат воды в центральном стакане. Вместо руки человека они прижали рамку латунным грузом. Серебряная нить из-под крышки обвила груз и замерла.

На секунду ничего не произошло.

Потом дальняя полка треснула посередине.

Стакан у края не разбился. Он остался цел, но пыль на нём перестала накапливаться. Белые кристаллы замерли. Капля на его ободке висела, не испаряясь и не стекая. За маленькой дверью день не погас — он лишился следующего движения.

Лем коснулся дверцы кончиком карандаша. Грифель вошёл внутрь и остановился. Когда Лем потянул его назад, конец оказался срезан ровно по границе адреса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.